

АЗБУКА ВЕРЫ

проф. А. И. Осипов

Бог

Бог

проф. А. И. Осипов

Алексей Ильич Осипов

Новое, исправленное 5-е издание книги (2015 г.)

- Предисловие
- Зачем я живу?
- От чего ушёл Пушкин
- «Бога нет, потому что...»
 - 1. «Бог-любовь и страдания несовместимы»
 - 2. «Наука доказала, что Бога нет»
 - 3. «Бога никто не видел»
- Бог или Ничто?
 - Во что верить
 - Аргументы бытия Бога
 - 1. Телеологический аргумент
 - 2. Исторический аргумент
 - 3. Религиозно-опытный аргумент
- Как найти Бога
- Что такое религия. Основные её истины
- Был ли человек без религии?
- В какого Бога верили первые люди
- Как возникли другие религии
- Один ли Бог во всех религиях?
- Что отвечает христианство
 - 1. Исторический аргумент
 - 2. Вероучительные аргументы истинности христианства
 - 3. Духовно-нравственный аргумент истинности христианства
- Почему именно Православие
 - 1. Святоотеческий фундамент Православия
 - 2. Католицизм
 - 3. Протестантизм
- Что даёт человеку Православие?
 - 1. Человек перед Богом
 - 2. Идеальный Человек
 - 3. Свобода
 - 4. Законы жизни

- Бессмертие
 - 1. Две эсхатологические концепции
 - 2. Тайны мира духовного
 - 3. Что такое невечные муки
- Заключение

Предисловие

Как возникла идея Бога? Может быть, это чья-то выдумка, которой заразилось всё человечество, или Он действительно есть и Его видели? Почему люди всегда верили в Него?

Некоторые говорят, что религия возникала постепенно в силу разных факторов. В частности, предполагают, что на заре человеческой истории первобытные люди, не понимая причин возникновения различных, особенно грозных, явлений природы, приходили к мысли о существовании невидимых сил, богов, которые властвуют над земными стихиями и всеми живущими на земле. Так со временем в сознании отдельных людей и целых племён возникала религия.

Однако эта идея постепенности не объясняет факта всеобщей религиозности в мире. К тому же все попытки найти в доступном исторической науке времени какой-либо атеистический народ или хотя бы небольшое племя не увенчались успехом. Более того, даже на фоне быстрого развития науки по настоящее время подавляющее число землян, среди которых множество учёных и философов, по-прежнему верит в существование Высшего Разума, Бога.

Следовательно, причиной религиозности является не невежество, а что-то другое. Есть о чём задуматься^[1].

Зачем я живу?

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!

Ф. Тютчев

Одной из главнейших причин, приводящих человека к мысли о Боге, является вопрос о смысле жизни. Он всегда волновал людей. Его, например, с особой трагической силой в минуту тяжёлых раздумий выразил А.С. Пушкин:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Наверное, и теперь очень многие могли бы подобными же словами выразить своё переживание этой мучительной таинственности человеческого существования.

Пушкину тогда ответил митрополит Московский Филарет (Дроздов), ещё при жизни прозванный Мудрым и теперь причисленный Церковью к лику святых:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без правды Им же тайно
На печаль осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

*Вспомнись мне, Забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою*

Сердце чисто, светлый ум.

Ищущую душу поэта глубоко взволновал этот неожиданно обращённый к нему голос знаменитого иерарха. Пушкин пишет митрополиту стихотворное послание, в котором звучит неподдельное чувство благодарности и умиления:

*Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей...*

От чего ушёл Пушкин

*Ибо всё, что в мире: похоть плоти,
похоть очей и гордость житейская,
не есть от Отца, но от мира сего.*

1 Ин. 2:16

Наш русский гений глубоко понял, что земное странствование бессмысленно, если оно навсегда прерывается смертью. Он понял, что человеческая жизнь со всеми её переживаниями, надеждами и стремлениями, добром и злом не может быть *напрасной и случайной*. Что она лишь в том случае находит себе разумное оправдание, если смерть тела – не тупик, если личность человека неуничтожима и её ожидает бесконечность жизни. Но это возможно только при бытии Бога. Ибо если Он есть, то есть и вечная жизнь, и смысл жизни на земле. Как известно, Пушкин с именем Бога на устах перешёл в тот мир вечности, который открылся его исканиям.

XIX век во многом напоминает наше время. Формально Российская империя была православной, но, по свидетельствам современников, Православие мало кому было понятно. Народ тогда твёрдо соблюдал обычаи и обряды церковные, но плохо знал свою веру.

Великосветское же общество, дворянство, интеллигенция были глубоко заражены нигилизмом, масонством, мистицизмом в разных формах, пришедших в Россию из *просвещённой* Европы.

Примерно со второй половины XVIII века в Европе начались громкие и резкие выступления против христианства, открытое отрицание бытия Бога, пропаганда материализма, культа «разума».

Первоначально это проявилось во Франции, а затем распространилось и на другие страны. Разносчиками этих идей явились так называемые «просветители». И хотя они не были учёными-естествоиспытателями, тем не менее безапелляционно утверждали, что наука доказывает небытие Бога и опровергает религию. При этом они не стеснялись выдавать за научные факты свои идеи, подчас просто невежественные и абсурдные. Так, саму личность Иисуса Христа, о Котором сообщают не только очевидцы евангельских событий и десятки христианских авторов первого столетия, но и многие известнейшие историки того времени, совсем не симпатизировавшие христианству, такие как Плиний Младший, Светоний, Тацит, Иосиф Флавий и другие, – эти фантасты объявили мифом.

Пропаганда подобных утверждений неожиданно нашла мощную информационную и финансовую поддержку. Идеи атеизма стали стремительно распространяться по всем странам Европы, выливаясь часто в кровавые революции (действительно, дерево узнаётся по плодам). Эти идеи не могли обойти и Россию – сама Екатерина II называла своим учителем Вольтера. Естественно, теми же идеями было заражено и всё великосветское общество. В ранней юности такой образ мыслей разделял и Пушкин.

Победное шествие атеизма достигло своего апогея в России после революции 1917 года, когда религия жестоко изгонялась из сознания человека, а атеизм стал «единственным научным мировоззрением» на целых 70 лет.

Но что представляют собой атеизм и религия, на чём они основываются?

«Бога нет, потому что...»

Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога».

Пс. 52:2

1. «Бог-любовь и страдания несовместимы»

«Если Бог есть любовь, то не может быть страданий, тем более невинных», – таково одно из наиболее распространённых

возражений, касающихся существования Бога. Это утверждение относится, конечно, не к бытию Бога, а к христианскому учению о Боге, поскольку лишь оно учит о том, что Бог есть любовь.

Данное возражение проистекает, прежде всего, из смешения понятий «нравственность» и «духовность». Нравственность – это характер внешнего поведения человека, его отношения к окружающему миру: к общественным нормам поведения, к другим людям, к работе, законам и т.д. Нравственность описывается в категориях справедливости, честности, милосердия, культуры жизни. Отступления от неё всегда очевидны и окружающим, и самому человеку.

Духовность же – это внутренний мир человека, невидимый для других. Она подразумевает скрытые желания, цели, мечты, отношение человека к другим людям, его искренность или лицемерие, любовь или эгоистичность, зависть или доброжелательство, чистоту или грязь мыслей, чувств... В христианстве духовность человека означает чистоту его души от страстей и особую приобщённость Богу.

Различение нравственности и духовности чрезвычайно важно для понимания причин страданий. Человек может быть нравственным и в то же время духовно глубоко порочным. О таких говорят – «святой сатана». Поэтому, когда возникает вопрос, за что страдает тот или иной человек, почему с ним случаются те или иные бедствия, христианство отвечает, что всё это происходит в силу духовного закона и обусловлено особенностями страстей и грехов данного человека. Ибо грехи и страсти – это раны, которые человек наносит себе.

Христианство при этом предупреждает, что первоисточником всех страстей является гордость, порождающая в свою очередь три основные страсти, приносящие неисчислимые бедствия человечеству: это жажда наслаждений, богатства и славы. Об этом пишет апостол Иоанн Богослов: *Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Они, овладевая человеком, мучают его, расстраивают его телесное и душевное здоровье, его личную и общественную жизнь и могут довести до такого состояния, что он становится игрушкой тёмных сил.

Не Бог устраивает семейные ссоры, общественные и межгосударственные конфликты, не Он посылает алкоголику цирроз печени, а эгоисту и гордецу – семейные несчастья.

Наш мир устроен закономерно и гармонично. И все его Богом установленные законы, физические и духовные, неизменны. Поэтому как нельзя обвинить законы природы, нарушая которые мы страдаем, так же невозможно предъявлять претензии и к законам нравственным и духовным, последствия нарушений которых столь же трагичны. Но человек свободен в своих желаниях, и Бог не может отнять у него свободу. Апостол Иаков писал: *Бог... не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак. 1, 13-14).

Об этом же просто и ясно сказал преподобный Антоний Великий (IV в.): «Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, ...а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом – по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога – по несходству с Ним. Живя добродетельно – мы бываем Божиими, а делаясь злыми – становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют»^[2]. Один из святых очень точно сказал: «Не хочешь скорбей – не грехи».

Иную природу имеют страдания детей.

Жизнь каждого отдельного человека и каждого поколения оставляет после себя как добрые, так и горькие плоды своей духовно-нравственной, научно-технической, культурной деятельности, которые обнаруживают себя в последующее время. Это с полной очевидностью открывается на детях, их мировоззрении, нравственности, на всех обстоятельствах их жизни, состоянии здоровья, свойствах характера, страстях, добрых качествах и прочем.

Христианское вероучение особенно обращает внимание на духовную и моральную связь между родителями и детьми. Порабощённость отцов пороками становится причиной появления и развития таких же страстей (так называемых родовых грехов) в их потомках. Так, рождаются дети с различными болезнями – духовными (например,

тщеславием, гордостью), нравственными (ярко выраженной алчностью, жестокостью и т.д.), физическими и психическими.

Христос в притче о талантах указывает и на другую причину страданий, связанную с более глубокой стороной наследственной природы человека. В этой притче богатый человек, отъезжая, дал одному рабу *пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе* (см. Мф. 25, 14–30). Под талантами в данном случае подразумеваются не разного рода способности (поэта, художника, спортсмена, вора и т.д.), а наследственные моральные силы человека, силы искания истины, смысла жизни, Бога.

Каждый человек рождается со своими *талантами*, и они также являются причиной соответствующего формирования обстоятельств его жизни: здоровья или болезней, богатства или нищеты, способностей или бездарности... Таким образом, внутренние силы человека и внешние обстоятельства его жизни всегда находятся в полном соответствии. Поэтому все до последнего человека оказываются в абсолютно равных условиях возможности достижения спасения: и рождённый здоровым, и болеющий рассеянным склерозом; и ученик Христов, и оказавшийся в шайке разбойников. Но само спасение и у тех и у других зависит от их доброй или лукавой свободной воли, от того, как они использовали имеющийся у них *талант*. Живое свидетельство тому – судьба Иуды Искаротского, который был учеником Христа, но предал *кровь невинную* (Мф. 27, 4), и пример правого разбойника, который был распят рядом со Христом.

Но почему же страдают дети, которые ещё не имеют возможности реализовать свои *таланты*? Страдания детей обусловлены тем же законом духовной наследственности, по которому каждому ребёнку в полном соответствии с его природными талантами даются временные испытания – не бессмысленные с христианской точки зрения ни для детей, ни для родителей. Для очень многих родителей болезни детей явились причиной определиться со своим мировоззрением, серьёзно подумать о смысле жизни, о Боге. Страдающие же дети – это получившие *пять талантов*: благодаря своим испытаниям они приобретают в грядущей вечной жизни бесконечную славу и блаженство. Об этом писал апостол Павел: *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая*

откроется в нас (Рим. 8, 18); Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно (2 Кор. 4, 17-18).

Таким образом, с христианской точки зрения страдания человеческие, и прежде всего невинные детские, не случайны и не бессмысленны – они не произвол Бога или Его несправедливость, но явление Божественного Закона любви, по которому человек становится способным к получению высшего и бесконечного блага вечной жизни.

Но если нет Бога, нет вечной жизни, то каков смысл бесконечного моря человеческих страданий, особенно страданий невинных, детских? Это просто безнаказанный произвол человеческой несправедливости и жестокости? Или игра слепых сил природы, случайность, стечение обстоятельств? Без веры в Бога и бессмертия личности страдания, тем более невинных детей, – это жуткая трагедия, порождающая лишь безответное отчаяние.

2. «Наука доказала, что Бога нет»

Одним из самых настойчивых утверждений так называемого научного атеизма является версия о непримиримой борьбе между наукой и религией (прежде всего христианством). Под понятием «наука» в данном случае подразумевается, естественно, не весь круг человеческих знаний (в который входит и сама религия), а только естествознание (физика, биология, астрономия и прочее).

Первое, о чём нужно сказать по этому вопросу, – что области научного и религиозного познания принципиально различны. Если эмпирические науки занимаются изучением материи, то религия – духовным миром и его законами. Эти сферы могут соприкасаться, в чём-то пересекаться, но они так же несопоставимы и не могут опровергать друг друга, как километр и килограмм. И, по слову баснописца, «беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник» – каждый должен заниматься своим делом.

О борьбе науки с религией прекрасно сказал великий русский учёный М.В. Ломоносов: «Создатель дал роду человеческому две книги. Первая – видимый мир... Вторая книга – Священное Писание... Обе

обще удостоверяют нас не только в бытии Божиим, но и в несказанных нам Его благодеяниях. Грех всевать между ними плевелы и раздоры». Наука и религия «в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклеплет»^[3]. Поэтому «не здраво рассуждает математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулем; таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтыри научиться можно астрономии или химии»^[4].

Действительно, не задача религии заниматься вопросами, из каких «кирпичиков» построена Вселенная, Земля ли вращается вокруг Солнца или наоборот, какие прежде или позже были и существуют формы жизни и т.д. Все эти и подобные им проблемы – область естествознания, но не религии. Об этом хорошо писал Пастер (†1895 г.): «Здесь нет ни религии, ни философии, ни атеизма, ни материализма, ни спиритуализма. Это вопрос фактов и только фактов»^[5]. Но это, конечно, не означает, что священнослужитель не может заниматься научными исследованиями, а учёный не имеет права быть глубоко верующим человеком^[6]. Поэтому в истории видим немало священнослужителей, которые внесли значительный вклад в науку^[7], и огромное число верующих учёных.

Всё это лучше всего показывает, что научное и христианское мировоззрения не противоречат одно другому. Этот факт является настолько очевидным, что его вынужден был признать, например, такой ведущий специалист советского «научного» атеизма и активный борец «науки» против религии, как Шахнович: «Многие буржуазные учёные говорят о „союзе“ науки и религии. М. Борн, М. Планк, В. Гейзенберг, К.Ф. фон Вайцзеккер, П. Иордан и другие известные физики неоднократно объявляли, что наука будто бы не противоречит религии»^[8]. Но Шахнович только начал бесконечный список тех верующих учёных^[9], которые соединяли в себе великие научные достижения с самой искренней верой в Бога и во Христа. То есть вера одних учёных в небытие Бога, других – в Его бытие однозначно говорит о том, что не научные знания решают этот вопрос.

Но бесконечность познаваемого мира и вечная ограниченность человеческого знания о нём ясно говорят о принципиальной

невозможности отрицать бытие Бога на основании естественнонаучного знания. Поэтому атеизм, претендующий на название *научный*, именно с научной точки зрения оказывается прямо противоречащим науке.

Всё это красноречиво свидетельствует о надуманности самой идеи противостояния религии и науки.

3. «Бога никто не видел»

- А кто Бога видел? Как докажешь, что Он есть? - спросил семинариста один из задиристых посетителей Троице-Сергиевой Лавры, верующий в небытие Бога.

- А вы свой ум видели? - ответил вопросом на вопрос семинарист.

- Не-е-ет.

- Следовательно, у вас его... ?

Под дружный хохот своих друзей сконфуженный атеист ретировался.

Мы верим в существование очень многих вещей и явлений, которых никто из людей не только не видел, но и видеть не может. Верим своим пяти чувствам, говорящим о существовании мира звуков, красок, света, вкуса и прочего, хотя физика прямо заявляет, что всё это - лишь наши субъективные ощущения, а объективный мир совсем иной. Верим в любовь, добро, красоту, хотя видим не их, а лишь некоторые их проявления, которые скрыты в сердце человеческом. Верим в реальность субатомного мира, в существование каких-то *кварков, струн*, в непонятную бесконечность (или конечность?) Вселенной; верим в чёрные дыры, тёмную энергию, тёмную материю и т.д.

Да и вообще, всё то, что мы называем знанием, является ли таковым? За ничтожным исключением, все наши знания по сути лишь обычная вера - родителям, товарищам, педагогам, учёным. Мы верим политикам, фильмам, интернету, СМИ - которые, увы, часто не только ошибаются, но и сознательно обманывают. Так почему же не поверить кристально чистым людям - святым, которые утверждали, что видели Бога всем своим существом, и многие за это отдавали свою жизнь?

Главная причина неверия у большинства людей, конечно, не в неубедительности или недостатке религиозных аргументов (их, как

правило, и не знают), не в наличии убедительных аргументов против существования Бога (их просто нет), но в *нежелании* Бога. «Без Бога широка дорога» – вот основной аргумент. Как ребёнок закрывает глаза от страха, так и тот, кто понимает или подсознательно боится, что *там* откроются все тайники личной жизни, убеждает себя и всех, что Бога нет и быть не может.

Таковы наиболее часто встречающиеся возражения в отношении бытия Бога. Своей неубедительностью они показывают, что решение этого вопроса возможно только на пути искреннего искания смысла жизни и личной проверки тех условий познания Бога, которые предлагает христианство.

Религия и атеизм вместе (!) в парадоксальном единстве призывают каждого человека, ищущего ответа на «проклятые вопросы», самому проверить православный путь познания Бога. Другого решения нет.

Бог или Ничто?

Только с верой в своё бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле.

Ф.М. Достоевский

Во что верить

Каждый человек по-своему переживает проблему Бога, но для многих она начинается с простого вопроса: есть ли Он?

Рассказывают такой случай. Барин, просвещённый в духе «свободы, равенства, братства», видя, как его возчик, проезжая мимо церквей, каждый раз крестится, подсмеивался над ним. Но тот не отвечал ни слова. Доехали, барин хотел было уходить. И вдруг мужик, молчавший всю дорогу, неожиданно заговорил: «Барин, а барин?» – «Что?» – «А вдруг Он есть?» Барин был потрясён. Этот простой и ясный вопрос поразил его и оказался сильнее всех атеистических хитросплетений. Действительно, а почему «Бога нет»?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть, что представляют собой атеизм и религия хотя бы с точки зрения научной методологии. Прежде всего, ясно, что любая научная теория может быть оправдана

только в том случае, когда она предлагает подтверждающие её факты и возможность их проверки.

Сначала простой пример. Чтобы утверждать, что в лесу есть волки, достаточно нескольких свидетельств. А чтобы отрицать это, необходимо проделать огромную работу, тщательно обследовав весь лес. Но и тогда может оставаться сомнение – вдруг их просто не заметили! Подобная же ситуация и с вопросом бытия Бога. Достаточно нескольких достоверных фактов личной с Ним встречи, чтобы не осталось никаких сомнений. А какая логика и какие факты могут свидетельствовать о Его небытии?

О существовании Бога, во-первых, свидетельствует личный опыт Его переживания множеством людей разных эпох, народов, культур. Об этом писал известный русский философ-марксист XIX столетия С.Н. Булгаков, убедившийся на собственном опыте в бытии Бога и ставший священником: «Если бы люди веры стали рассказывать о себе, что они видели и узнавали с последней достоверностью, то образовалась бы гора, под которой был бы погребён и скрыт от глаз холм скептического рационализма»^[10].

А вот что рассказывал игумен Никон (Воробьёв, †1963): «Много поразительных случаев происходит в жизни самого человека или окружающих, и они понуждают его обратиться к мысли о Боге. Поехал я однажды в 1918 или 1920 году как-то в [Вышний] Волочёк и встретил там молодого монаха, мощного, огромного – настоящий Илья Муромец. Я заинтересовался и спросил, что побудило его пойти в монастырь. И он рассказал мне следующее: „Вёз я однажды брёвна. В одном месте нужно было круто спускаться к реке. И вдруг лошади понесли, а мост оказался наполовину разобранным. Я вижу, гибель неминуема и для меня, потому что не могу выскочить, и для лошадей. Тогда я от всей души вскричал: "Господи, спаси! Господи, помоги!" И вдруг лошади на всём скаку враз остановились как вкопанные. На меня это произвело такое сильное впечатление, что я после этого ушёл в монастырь, ибо увидел, что Бог не только есть, но что Он близ нас и любит нас, и только в Нём можно найти жизнь”.

Подобный же случай произошёл и с нашей матерью. Её так же однажды лошадь понесла при спуске к реке. При этом отвязались стойки с поперечинами на телеге и начали бить её в грудь. И она

ничего не может сделать. И вот, она тоже взмолилась изо всех сил: „Господи, спаси! Святитель Николай, помоги!” Навстречу ей ехал обоз, и видели, как лошадь взбесилась. И обозные затем говорили, что лошадь без всякой видимой причины вдруг сразу остановилась. Мать говорила, что было такое впечатление, как будто лошадь неожиданно в стену упёрлась.

В обоих случаях объяснить случившееся естественным путём просто невозможно. Да и мало ли других не менее поразительных случаев. Миллионы, бесчисленное множество религиозных фактов! Какими научными средствами можно было предсказать место кончины матери? А вот юродивый у нас в деревне, Ванька-Малый, сложил руки дудочкой и проиграл: „Дуру-дара, дуру-дара, в Таганроге жизнь скончала”. И ведь если бы не было войны, затем революции и Вася бы [брат игумена Никона] там не женился и не потянул туда мать, она и не знала бы, что это за Таганрог. И вот, она умерла там. Или сказал он мне семилетнему: „Монах, монах”, – а ведь монашество я принял спустя тридцать лет».

Подобных и разного рода других фактов бесконечное количество. Они неопровержимо свидетельствуют о Боге. Достаточно хотя бы назвать имена святителя Николая Мирликийского, блаженной Ксении Петербургской, святого праведного Иоанна Кронштадтского, чтобы не осталось никаких сомнений в сверхъестественном источнике их поразительных чудес, которые совершаются доныне.

Во-вторых, все научные знания прошлого, настоящего и будущего никогда не смогут охватить всё бытие в целом. Академик РАН Г. Наан писал: «На любом уровне развития цивилизации наши знания будут представлять лишь конечный островок в бесконечном океане непознанного, неизвестного, неизведанного»^[11]. Следовательно, даже если бы Бога не было, то и тогда наука не смогла бы утверждать этого. Самое большее, что она может сказать: «Я не знаю». Но множество учёных всех эпох, вплоть до настоящего времени, благодаря своим научным исследованиям приходили к вере в Бога. Поэтому утверждение «научного» атеизма о небытии Бога противоречит элементарной логике и является откровенно антинаучным.

Обращает на себя внимание и следующее. Если религия опирается на

колоссальный всечеловеческий опыт внутреннего познания Бога, то атеизм вообще не предлагает человеку никаких фактов для подтверждения своей веры. Он не отвечает на важнейший для него вопрос: «Что должен сделать образованный человек, чтобы убедиться в небытии Бога»? Но без ответа на него атеизм теряет всякое доверие. Поэтому он способен призывать только к одному: «Верь, человек, что нет Бога, нет души, нет никакой посмертной жизни – ничего нет, кроме мига существования в этом мире. Верь, что тебя как личность ожидает вечная смерть, окончательное и полное уничтожение!»

Какие духовные, нравственные и психологические последствия способна породить в человеке такая вера – очевидно. И самое трагическое – потеря смысла жизни. Попытки найти его в своих детях или в делах на благо человечества – это именно то, о чём остроумно заметил Пушкин: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»

Ведь если говорить о детях как смысле жизни, то, во-первых, дети далеко не у всех есть. Во-вторых, как можно охарактеризовать того человека, который смысл своей жизни видит в том, чтобы дать жизнь ребёнку, приговорив его к смертной казни? Кому же не ясно, что каждый рождённый обречён на неминуемую смерть, и ещё неизвестно какую? Это ужасно, но именно таким оказывается так называемый *смысл жизни в детях*, когда нет веры в Бога и в их вечную жизнь.

Таким же несостоятельным является и провозглашаемый атеистами смысл жизни для блага народа, человечества. Прежде всего – многие ли живут и работают с мыслью об этом? А большинство?

Да и для тех немногих, которые действительно сделали что-то полезное для людей, никакого посмертного удовлетворения с точки зрения атеизма быть не может, ибо их личность уничтожена смертью навсегда. Если они и думали о смысле жизни в деятельности на благо народа, то это был лишь миг времени их земной жизни. А дальше – тьма небытия.

В связи же с выводами современной науки атеистическая идея смысла жизни и деятельности на благо человечества приобретает

уже совсем трагический характер. Академик РАН Н.Н. Моисеев (†2000) прямо писал: «Человечество как биологический вид смертно, и в этом смысле конец человеческой истории однажды наступит. И не в каком-нибудь совершенно неопределённом будущем, а, может быть, уже в середине XXI века». И предупреждал: «Глобальная катастрофа может разразиться столь стремительно, что люди окажутся бессильны. Надежды на технику совершенно напрасны, нас уже не спасут новые технологии... Необходимы новые заповеди...»^[12]

Отсюда естественно возникает вопрос: если всё человечество «как биологический вид смертно», то ради какого иллюзорного земного рая, ради каких потомков необходимо сейчас трудиться и отдавать свою жизнь? Да и какой смысл жизни без надежды на жизнь?

Напротив, вера в Бога, в бессмертие личности, вечную жизнь полностью снимают все эти проблемы и тем самым уже сейчас, здесь, на земле открывают человеку и смысл, и радость жизни.

Аргументы бытия Бога

Представляют интерес и другие аргументы в пользу бытия Бога. Приведём здесь лишь некоторые из них.

1. Телеологический^[13] аргумент

Суть его в следующем. Вызывают изумление красота и удивительная целесообразность устройства материального мира, живых организмов, наконец, человека с его психикой, умом, сердцем, совестью, нравственным законом. Пифагор, потрясённый картиной звёздного неба, назвал его космосом, то есть красотой^[14]. Откуда и как всё это могло возникнуть? Что за великий Разум явился источником такого мира? Этот вопрос приводил к вере в Бога очень многих и простых людей, и философов, и учёных.

Вот несколько высказываний современных учёных об этом.

Профессор М. Рьюз, рассуждая о возможной первопричине мира, пишет: «Понятие о такой причине возвращает нас, по сути дела, к признанию Высшей силы того или иного рода, которую вполне можно именовать Богом. Кстати говоря, мне кажется, что эта аргументация подпадает под класс доводов, традиционно известных как телеологические». И продолжает: «Вообще же, предположение, что

за покровом наличного бытия Вселенной, за её организацией должен скрываться некий Разум, начинает казаться в наши дни всё более правдоподобным»^[15].

«Равновесие между гравитационными и электромагнитными взаимодействиями внутри звёзд, – пишет профессор П. Девис, – соблюдается почти с немыслимой точностью. Вычисления показывают, что изменение любого из взаимодействий всего лишь на 10^{-40} его величины повлекло бы за собой катастрофу для звёзд типа Солнца»^[16].

Современная наука не сомневается в *антропном* (разумном) устройстве мира. Известный физик Ральф Эстлинг так прокомментировал этот принцип: «Абсолютно во всём, начиная от постоянных, определяющих гравитационные, электромагнитные, сильные и слабые ядерные взаимодействия, и вплоть до основных биологических предпосылок, мы обнаруживаем, что космос в целом, наше Солнце в частности, и в особенности Земля настолько точно подогнаны к нам, что неизбежно напрашивается вопрос: а не Бог или кто-то ещё с аналогичным именем создал всё это, прежде всего имея в виду нас? Это слишком много для совпадения, даже для чуда, чтобы назвать это чистой случайностью»^[17].

А как возникла жизнь? Наука не знает закона, по которому какая-либо материальная структура могла бы её породить. Вероятность же возникновения жизни из случайного сцепления молекул настолько мала (по некоторым расчётам она равна 10^{-255}), что, по словам американского учёного Кастлера, из этого «вытекает фактическая невозможность появления жизни»; «предположение о том, что живая структура могла бы возникнуть в одном акте вследствие случайного соединения молекул, следует отвергнуть»^[18]. Приводят такое сравнение: «Вероятность того, что клетка возникнет самопроизвольно, по меньшей мере равна вероятности того, что какая-нибудь обезьяна 400 раз напечатает полный текст Библии без единой ошибки!»^[19]

Поэтому множество учёных, не находя более логичного объяснения возникновения жизни и закономерности устройства мира, приходили к вере в бытие разумного Творца – Бога. Например, наш

замечательный учёный Н.П. Бехтерева, академик РАН, директор Института мозга человека, на Соборных слушаниях «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий» в марте 1998 года заявила: «Всю свою жизнь посвятив изучению мозга человека, я прихожу к выводу, что понять создание такого чуда, как мозг человека, без понятия Творца практически нереально».

Убедительность телеологического аргумента состоит прежде всего в том, что он ставит сознание перед альтернативой: признать ли Божественный Разум источником законов столь целесообразно устроенного мира, или же – ...? Первое не просто отвечает на вопрос о природе нашего мира, но открывает человеку и смысл его жизни. Второе оставляет человека «без руля и без ветрил».

2. Исторический аргумент

На этот довод как на самый убедительный ссылался, например, знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель I в. до н.э. Цицерон. «Мы считаем, – говорит он, – нужным указать на то, что нет племени столь дикого, нет человека, настолько потерявшего сознание о нравственных обязанностях, душу которого не освящала бы мысль о богах. ...Все ...убеждены в том, что есть сила и природа Божественная. И такое признание не от предварительного уговора и соглашения людей; это памятование о богах утвердилось не в силу государственных постановлений или законов, но во всяком этом деле единомыслие всех народов должно быть почитаемо законом природы»^[20].

Известный римский философ Сенека (I в. н.э.) почти повторяет Цицерона: «Всем врождённо понятие о божестве, поэтому никогда ни один народ не находился в таком состоянии беззакония и безнравственности, чтобы не признавал никакого божества»^[21].

Ту же мысль высказывает и древнегреческий писатель, историк и философ Плутарх (†120): «Обойди все страны, ты можешь найти города без стен, без письменности, без правителей, без дворцов, без богатств, без монеты, но никто не видел ещё города, лишённого храмов и богов, города, в котором не воссылались бы молитвы, где не клялись бы именем божества»^[22].

Всеобщая религиозность человечества – один из самых

впечатляющих фактов всемирной истории. Чем можно объяснить его? Все атеистические гипотезы о «естественном» происхождении идеи Бога в сознании человека оказались совершенно беспомощными. Главная среди них, предполагающая, что идею Бога породили невежество древних людей, их неспособность объяснить естественные явления природы и страх перед ними, – развенчана самой историей. Теперь совершён гигантский прорыв в познании мира, окончились прежние недоумения, страхи и восторги, но религиозное мировоззрение так и остаётся главенствующим в человечестве. Согласно данным опроса, проведённого, например, в 2011 году британской ассоциацией Ipsos MORI, семь из десяти человек в мире исповедуют какую-либо религию.

Единственно разумным объяснением этого факта является признание того, что религиозная вера, которой жило и живёт человечество всю историю, не выдумка какого-то невежды или хитреца, не плод «земли», но своим источником имеет самого Бога, живущего в душе человека.

3. Религиозно-опытный аргумент

Сначала небольшое отступление.

«В 1790 году около французского города Жюллек упал метеорит. Мэр составил протокол об этом событии, который подписали триста свидетелей, и послал в Парижскую Академию. Думаете, академики тогда поблагодарили за помощь науке? Ничего подобного.

Парижская Академия не только составила объёмистый трактат „Об абсурдности падения камней с неба“, но даже приняла специальное постановление по этому поводу. „Раз Бога нет – значит, не может быть и камней с неба“, – постановили парижские академики...

Лишь с большим трудом люди начинают понимать, что их повседневный опыт вовсе не абсолютен, что он охватывает только некоторые поверхностные стороны событий и явлений, что житейский здравый смысл ограничен, что есть очень много неопровержимых фактов, не укладывающихся в незыблемые, казалось бы, самоочевидные истины». Так писал историк науки А. Горбовский в своей интересной книге «Загадки древнейшей истории»^[23].

Один из современных учёных подчёркивал: «Когда выводы науки расходятся с фактами, предпочтение отдаётся фактам (при условии, что факты ещё и ещё раз повторяются)»^[24]. Так вот, бытие Бога является тем фактом, который бесчисленное множество «ещё и ещё раз» проверен. Люди разных исторических эпох, с глубокой древности и до наших дней включительно, различных рас, национальностей, языков, культур, уровней образования и воспитания, не зная друг друга, с поразительным единодушием свидетельствуют о реальном, невыразимом, глубочайшем личном переживании Бога - именно Бога, а не просто «чего-то» сверхъестественного, мистического.

Какие же основания отвергать это свидетельство тех, которые говорят о непосредственном, а не через приборы или следы на фотографиях, видении Бога? И среди этих людей - величайших в своей области учёных - святые, которые даже в мысли боялись совершить обман. Они творили чудеса, прозревали будущее, переносили изгнания и ссылки за слово веры и правды, претерпевали пытки и надругательства, проливали кровь и отдавали саму жизнь за непоколебимое исповедание Бога и Христа, Которого они познали, а не просто в Которого уверовали!

Может быть, все эти Петры и Павлы, Иустины Философы и Павлы Препростые, Макарии Великие и Сергии Радонежские, Клименты Римские и Исааки Сирийские, Иоанны Русские и Саввы Сербские, Серафимы Саровские и Георгии Задонские, Игнатии Брянчаниновы и Амвросии Оптинские, Хомяковы и Достоевские, Паскали и Ломоносовы, Мендели и Менделеевы, Войно-Ясенецкие и Бехтерева - невозможно перечислить имена только тех, о которых знает весь мир, - так может быть, все они лишь «по традиции» верили в Бога или были необразованными людьми?

Как рассматривать этот грандиознейший в истории человечества факт? Наверное, стоит над ним задуматься. Неужели можно отрицать Бога только потому, что повседневный опыт не даёт Его нам? Но повседневный опыт вообще не даёт нам почти ничего из того, о чём говорят учёные. Однако мы верим их опытам, верим им, не зная их и не имея при этом, как правило, ни малейшей возможности проверить их утверждения. Какие же основания не поверить неисчислимо

большому количеству опытов познания Бога, засвидетельствованному кристально чистыми людьми?

Этот опыт учёных науки из наук – богопознания – говорит не о голословной их вере, не о мнении, не о принятой гипотезе или простой традиции, но о *факте* бытия Бога.

Справедливы слова профессора С.Н. Булгакова: «Религиозный опыт в своей непосредственности не есть ни научный, ни философский, ни эстетический, ни этический, и, подобно тому как умом нельзя познать красоту (а можно о ней только подумать), так лишь бледное представление о опаляющем огне религиозного переживания даётся мыслью... Жизнь святых, подвижников, пророков, основателей религий и живые памятники религии: письменность, культ, обычай... – вот что, наряду с личным опытом каждого, вернее вводит в познание в области религии, нежели отвлечённое о ней философствование»^[25].

«Основное переживание религии, встреча с Богом, обладает (по крайней мере на вершинных своих точках) такой победной силой, такой пламенной убедительностью, которая далеко позади оставляет всякую иную очевидность. Его можно позабыть или утратить, но не опровергнуть. Вся история человечества, что касается религиозного его самосознания, превращается в какую-то совершенно неразрешимую загадку и нелепость, если не признать, что человечество опирается на живой религиозный опыт»^[26].

Как найти Бога

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.

Мф. 7, 7

Если попытаться ответить на этот вопрос предельно кратко, то для ищущего человека можно предложить несколько основных условий.

1. Первым из них для приобретения веры в Бога и во Христа является осознание человеком своей душевной неустроенности, нравственной ущербности, греховности и бессмысленности этой жизни, убывающей с каждой минутой. Как сказал один из древних отцов Церкви: «Кого назову разумным? Только того, кто помнит, что есть предел его

жизни»^[27]. Такое осознание приводит ищущего человека к исканию смысла жизни, к желанию очистить душу от накопившейся грязи. А где и кто может этому помочь? Необходимо обратить свой взор к религии.

Без горячего желания найти ответ на вопрос: «В чём смысл моей жизни?» – трудно человеку серьёзно уверовать. Только бескорыстное искание Истины и искреннее раскаяние в душе о недолжной жизни обычно завершается верой в Бога и принятием Его заповедей. Поэтому такое искание является первым необходимым условием приобретения веры в Бога.

2. Но на пути этого поиска в поле зрения человека могут попасть несколько религий, претендующих на истинность своего учения. Возможны два варианта решения этой проблемы.

Первый заключается в сравнительном анализе учения разных религий. Этот вариант требует больших усилий, хорошего общего развития, образования. Через него пришли к христианству и православию многие видные философы, учёные, деятели культуры. Второй – исходит из анализа тех основных аргументов, которые должна представить каждая религия в подтверждение Божественности своего происхождения.

Христианство предлагает целый ряд таковых (см. далее главу «Что отвечает христианство»). Однако оно в своей истории претерпело немало расколов, и каждое из его направлений претендует на истинность. В настоящее время имеется три главнейших исповедания: православие, католицизм и протестантизм. И только внимательный анализ их учения может дать окончательный ответ на вопрос: где истинное христианство? (См. далее главу «Почему именно Православие»).

3. Но одно лишь рассудочное принятие православия, без знания святоотеческих основ духовной жизни, без твёрдого решения жить по совести, по духу евангельских заповедей, а не просто по так называемой общечеловеческой нравственности, касающейся лишь самых очевидных нарушений принятых норм поведения, – не даёт человеку возможности пережить и понять, кто есть Бог. О том, каковы эти заповеди, в Евангелии говорится едва ли не на каждой

странице. Они наглядно показаны в самом образе поведения Христа, особенно в Его искушениях в пустыне от дьявола, на Тайной Вечере, в Гефсиманском саду, на Кресте. Многие из них раскрываются подробно, и даже в сравнении с ветхозаветными иудейскими заповедями, в Евангелии от Матфея (см. главы 5-7). И все они сводятся, в конечном счёте, к *священной двойце* заповедей – смирению и любви.

Опыт святых подвижников учит, что невозможно приобретение истинной любви, если не будет смирения, то есть сознания своей греховности, и искреннего покаяния в неспособности искоренить страсти. Смирение же приобретается в борьбе со всяким возникающим в душе грехом через понуждение себя к жизни по заповедям Евангелия, через покаяние и молитву, которые являются важнейшими условиями очищения сердца от страстей. А только *чистые сердцем... Бога узрят* (Мф. 5, 8).

4. Невозможно найти христианского Бога без изучения Нового Завета с обязательным святоотеческим разъяснением его истин веры и указанного в нём пути духовной жизни. Непосредственное толкование текста Нового Завета даётся у святителей Иоанна Златоуста, Феофана Затворника, Василия Кинешемского, блаженного Феофилакта Болгарского и у других святых отцов и подвижников благочестия. Особенно необходимы для понимания православия современным человеком «Душеполезные поучения» аввы Дорофея, творения святителя Игнатия (Брянчанинова), письма духовым детям Георгия Затворника, игумении Арсении (Себряковой), Валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева), игумена Никона (Воробьёва).

Таковы самые первые шаги на пути к Богу. Однако без них едва ли возможно зарождение в человеке того, что действительно можно назвать христианской верой в Бога.

Что такое религия. Основные её истины

Душа видит истину Божию
по силе жития.

Св. Исаак Сириин

Религия, хотя и всегда была присуща человеку, тем не менее часто

оказывается малопонятной для многих. Одной из причин этого странного факта является то обстоятельство, что религию большей частью оценивают по её внешним признакам, усматривают её существо либо в элементах второстепенных, либо даже в её искажениях (которых не избежала ни одна религия). Поэтому вопрос о том, что же такое религия, какие признаки являются в ней основными, а какие несущественными, очень важен.

Религия имеет две стороны: внешнюю – какой она видится со стороны, и внутреннюю, которая открывается верующему, живущему в соответствии с её духовными законами и нравственными требованиями.

С внешней стороны религия – это, прежде всего, определённое *мировоззрение*, имеющее конкретные вероучительные положения (истины) о Боге, человеке и мире, а также своё нравственное учение.

Важнейшей истиной религии является учение о духовном, совершенном, личном Начале, Творце человека и всего мира – Боге, всегда активно реагирующем на духовное и нравственное состояние человека. Эта истина имеет очень разнообразные по форме, содержанию и степени ясности выражения в различных религиях: монотеистических (вера в единого Бога), политеистических (вера во многих богов), дуалистических (вера в два божественных начала: доброе и злое).

Христианство открыло новые, до него неизвестные свойства Бога: что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8), наш *Отец* (Мф. 6, 8–9), Которым мы *живем, и движемся, и существуем* (Деян. 17, 28), совершенный Идеал добра, истины и красоты. Духовное единение с Ним является конечной целью устремлений человека и величайшим для него благом.

Второй по значению истиной религии является учение о человеке, обладающем не только телом, но и *душой*, носителем ума, сердца (органа чувств) и воли; человеке, способном вступать в общение с духовным миром, с Богом. Специфически христианской истиной является учение о том, что *человек – это образ Божий*, высшее Его творение, призванное к достижению высшего состояния – обожения.

Учение о возможности и необходимости *откровения* от Бога, которое

научает человека правильной вере, духовной и нравственной жизни, является ещё одной истиной религии.

Обязательная истина религии - вера в бытие мира *сверхъестественного*^[28], ангелов и демонов (бесов), которые при определённых условиях могут влиять на человека, оказывая ему помощь или, напротив, принося ему вред.

Истина о *посмертной жизни* души и переживании там страданий или блаженства, в зависимости от характера земной её жизни, составляет также необходимый минимум религиозного учения. В христианской религии одним из важнейших догматов является учение о всеобщем *воскресении* и вечной жизни всего человека, а не одной лишь его души.

Религия не может существовать без *культа*, то есть без внешних форм выражения религиозных верований и чувств: жертвенников, храмов, священных предметов, священнодействий, обрядов и др. Всё это органически и логически связано с основными истинами религии.

Религия всегда носит общественный характер и выражает себя в более или менее развитой *организации* (церкви) - с определённой структурой, правилами жизни и т.д.

Сущность же религии заключается в её учении о Боге и условиях духовного единения с Ним человека. Это единение достигается верующим только при правильной духовной жизни, то есть исполнении заповедей и молитве. В молитве человек переживает личную встречу с Богом. Без молитвы этого произойти не может, и верующий остаётся без Бога. О безусловной необходимости молитвы как важнейшего условия единения человека с Богом и постижения сущности религии говорит и сама этимология слова «религия», которое происходит от латинского глагола *religare*, означающего «воссоединять, восстанавливать утраченную связь».

Был ли человек без религии?

Посмотрите на лицо земли:
вы не найдёте ни одного человеческого общества без веры в Божество.

Плутарх

Библейский ответ на этот вопрос известен: первые люди имели непосредственное общение с Богом, и оно, хотя и в значительно ослабленной и изменённой форме, продолжается всю последующую историю человечества. Науке не известно ни одного древнего народа или племени, которые бы не имели религии. Атеизм как явление общественное возник всего несколько столетий назад, и в настоящее время он охватывает менее трети населения земного шара.

Вопрос о времени возникновения религии непосредственно связан с проблемой времени появления самого человека. И хотя окончательного научного решения её нет, бесспорным является тот факт, что нерелигиозного состояния именно человека (*Homo sapiens*), а не предполагаемых дочеловеческих его форм, наука не знает.

В исследовании этого вопроса особое внимание привлекают к себе мнения советских антропологов, как не заинтересованных в какой-либо защите библейского учения об изначальности религии у человека.

Появление собственно человека, *Homo sapiens*, по данным современной науки может быть отнесено не далее 30–40 тысяч лет назад^[29]. Так, академик РАН Н.И. Дубинин писал: «В течение 10–15 млн. лет был осуществлён гигантский скачок от животного к человеку. Этот процесс сопровождался внутренними взрывами импульсивной эволюции, среди которых наибольшее значение имел скачок... совершённый 30–40 тыс. лет тому назад, создавший современного человека»^[30].

Подобное же утверждает и президент Американской антропологической ассоциации, специалист с мировым именем в области исследования доисторического человека, профессор Уильям Хауэлс: «Около 35 тыс. лет до н.э. неандертальцы внезапно уступили место людям совершенно современного физического склада, которые, в сущности, ничем не отличались от сегодняшних европейцев, разве что были более крепкого телосложения»^[31].

Интересно и то, что говорят учёные о наличии религии у человека эпохи, достигаемой этнографией. Советский религиовед С.А. Токарев считает, что даже «живший в эпоху мустье (около 100–40 тыс. лет назад) неандертальский человек, обладавший сравнительно развитым

сознанием, зачатками человеческой речи, возможно, уже имел зачаточные религиозные верования»^[32]. И уже ни у кого не вызывает сомнений наличие религии у человека ориньякско-солютрейской (40–20 тыс. лет) и мадленской (15–8 тыс. лет) эпох, то есть у человека современного типа – Homo sapiens. Советский учёный В. Титов писал: «Согласно археологическим исследованиям, приблизительно 30–40 тыс. лет назад завершилось биологическое формирование человека и возник современный человек. Впервые костные останки современного человека были обнаружены на территории Франции, близ Кроманьона. По месту находок этот человек был назван кроманьонцем. Раскопки стоянок кроманьонцев дают богатый материал, характеризующий их сравнительно сложные религиозные представления»^[33].

Этого же мнения придерживаются и многие другие наши учёные, как и большинство зарубежных (например, знаменитый этнограф В. Шмидт, проф. К. Блейкер и др.). Крупный советский религиовед В.Ф. Зыбковец по сути подводит итог этой проблеме в следующих словах: «По вопросу о религиозности неандертальцев среди советских учёных продолжается дискуссия. А.П. Окладников, П.И. Борисовский и другие полагают, что неандертальские погребения являются доказательством религиозности неандертальцев»^[34]. То есть среди учёных нет ясности лишь в вопросе о религиозности неандертальцев, о религиозности же Homo sapiens, то есть собственно человека, ясно одно: никакого дорелигиозного его состояния наука не знает!

А имели или нет религию так называемые предки человека: питекантропы, синантропы, атлантропы, гейдельбергцы, гигантопитеки, австралопитеки, зинджантропы и прочие, им же несть числа, – вопрос, по существу, праздный до тех пор, пока не будет выяснена степень их «человечности». И если эти человекообразные существа, не обладая разумом и другими свойствами человека, не имели религии, то этот факт так же мало кого удивит, как и отсутствие таковой у современных орангутангов и горилл.

Но предположим, что все эти «-тропы» и «-питеки» были пралюдьми. Имеются ли в настоящее время какие-либо основания говорить об отсутствии даже у них религии? И этого нет. Утверждения В.Ф.

Зыбковца, что «посредством некоторых проекций... досягаемость этнографии может быть доведена до мустьерской эпохи... которую отделяет от нашего времени примерно 100-150 тысяч лет»^[35], и С.А. Токарева, что «неандертальский человек, возможно, уже имел зачаточные религиозные верования», достаточно убедительно подтверждают это.

При этом Зыбковец констатирует важный исторический факт: «История классового общества исчисляется максимально шестью тысячелетиями»^[36], тем самым перечёркивая одно из популистских атеистических утверждений о том, что религию создали идеологи классового общества в качестве инструмента порабощения низших слоёв населения. Ведь религия-то по тем же источникам существует по меньшей мере 30-40 тысячелетий!

В какого Бога верили первые люди

Верую во единого Бога.

Символ веры

Какому Богу поклонялся Homo sapiens: солнцу или «Солнцу правды» - единому Богу? Об этом наука не говорит.

Археология и этнография в изучении истоков европейской цивилизации достигает своим взором лишь до руин храмовой культуры Мальты (IV-II тыс. лет до н.э.), от которой не осталось вообще никакой письменности. От Крита до Микен (III-II тыс. лет до н.э.) до нас дошли только хозяйственные записи и несколько нерасшифрованных текстов, так что о характере религиозных верований того времени можно лишь гадать.

Индийские веды, время написания которых не простирается за границы II тысячелетия до н.э., говорят о Боге и богах. При этом более древние тексты (на языке пали), как считают многие исследователи, ближе к монотеизму (единобожию), в то время как поздние (санскритские) - к политеизму (многобожию) и пантеизму (отождествлению Бога с миром).

Подобная же картина вырисовывается и при изучении религиозных источников иных цивилизаций: ассиро-вавилонской, китайской, американской и других. За лежащим на поверхности политеизмом

исследователи нередко находят очевидные следы прамоотеизма (изначальной веры в единого Бога)^[37].

Сохранившиеся письменные источники истории европейских религий начинаются очень поздно – лишь с «Илиады» Гомера, то есть приблизительно с VIII–VII вв. до н.э.

Однако древнейший в мире датированный памятник религиозной литературы – корпус текстов из египетской пирамиды царя Унаса (середина XXIV в. до н.э.) – прямо говорит о едином Творце «видимого и невидимого мира» Ра-Атуме^[38].

Христианский взгляд основывается на свидетельстве Библии, которая говорит, что первые люди непосредственно общались с единым Богом. Она сообщает, что вера в Него сохранялась у Авраама (2000 лет до Р.Х.) и его прямых потомков. Заповедь о почитании единого Бога стоит первой среди десяти основных заповедей Моисея (XVI век до Р.Х.) и повторяется многократно и настойчиво в текстах как Ветхого, так и Нового Заветов.

Объективным основанием к принятию библейских свидетельств является тот факт, что достоверность Библии как одного из древнейших исторических письменных источников подтверждается множеством научных, и прежде всего археологических исследований^[39].

Исходя из этого, можно с достаточным основанием говорить о монотеизме – вере в Единого Бога – как первой религии человечества, которая затем в силу целого ряда причин постепенно деградировала до различных форм так называемых народных (языческих, или естественных) религий, верований и суеверий.

Что обусловило эту деградацию и как она повлияла на возникновение новых религий?

Как возникли другие религии

*Они, познав Бога, не прославили Его,
как Бога, и не возблагодарили,
но осуетились в умствованиях своих,
и омрачилось несмысленное их сердце.*

Рим. 1, 21

Библия в качестве основной причины, обусловившей угасание монотеизма и возникновение политеизма и других религиозных и псевдорелигиозных верований, называет нравственный упадок личной и общественной жизни древних народов. Всё большее стремление к наслаждениям, богатству и власти над людьми, природой и высшими силами, включая и самого Бога, глубоко искажало сознание человека и открывало простор для развития в нём самых низменных страстей, различных извращений (пример Содома и Гоморры), превращая его в существо духовно и морально больное, неспособное к духовным переживаниям, к восприятию Бога.

На нравственную причину как основной источник искажения у людей их религиозных воззрений указывают и многие древние небиблейские авторы. Цицерон, например, писал: «Многие о богах думают не право, но это обыкновенно происходит от нравственного развращения и порочности: все, однако же, убеждены в том, что есть сила и природа Божественная»^[40].

В результате упадка нравственного и духовного уровня людей образ единого Бога постепенно приобретал характер земного властителя, «слуги» которого (ангелы, демоны, жрецы, герои) заведовали разными сторонами человеческой жизни и отношение которых к человеку прежде всего влияло на его внешнюю, материальную жизнь. Сам же единый Бог постепенно отходил в сознании людей на задний план. Мысль о Нём исчезала, Он становился фактически ненужным. Вместо Него реальными богами становились Его «слуги», которыми народное воображение населило небо и землю. Так возникали разные народные (языческие) верования со своими специфическими представлениями о богах и скрытых силах – политеизм, анимизм, астрология, шаманизм, оккультизм – породившие в конечном счёте атеизм и прямой сатанизм. Немалое значение в этом процессе имели и отдельные личности (как, например, Будда, Конфуций, Зороастр), которые формировали (и реформировали) религиозные воззрения целых народов.

В то же время идея единого Бога никогда не покидала человеческое сознание. Она оставалась центральной истиной ветхозаветной иудейской религии (основатель Моисей), просуществовавшей до

пришествия Христа^[41]; христианства (основатель Иисус Христос) и возникшего через 600 лет после него мусульманства (основатель Мухаммед).

Один ли Бог во всех религиях?

Если кто скажет тебе: ту и другую веру дал Бог, – отвечай: разве Бог двоеверен?

Прп. Феодосий Печерский

В современную эпоху возрастающих экуменических и межрелигиозных контактов вопрос о том, одному ли Богу поклоняются в разных религиях, становится всё более жизненно важным. Ибо очевидно, что единство исповедуемого ими Бога означает и единство по существу самих религий, их принципиальную равнозначность. Эта идея о единой мировой религии в настоящее время усиленно внедряется в сознание человека. Её активно продвигает в сфере межхристианских отношений экуменическое движение.

Серьёзным шагом на пути глобальной реализации этой идеи на межрелигиозном уровне явилась организованная Римским папой Иоанном Павлом II в 1986 году в городе Ассизи (Италия) конференция «Всемирного дня молитв о мире» религиозных лидеров. Тогда это беспрецедентное событие собрало многих представителей мировых религий: от Далай-ламы до архиепископа Кентерберийского, от папы Римского до митрополитов Православной Церкви, в том числе и Русской. Первая конференция стала началом ежегодных подобных встреч, проходивших в разных городах Европы и Америки.

Но очевидно, что эта идея ведёт человеческое сознание к религиозному индифферентизму, утрате одного из важнейших духовных стимулов – поиска истинной веры. Серьёзной опасностью уничтожения различий между религиями (и культурами) является модель так называемого мультикультурализма, возникшая в США и принятая Западной Европой. Эта концепция ведёт к фактически полной утрате своей идентичности теми религиями, в которых вероучительные истины являются их основой. Это, прежде всего, христианство и ислам.

Естественно, возникает вопрос: насколько обоснованна данная идея?

Не говоря уже о глубоко принципиальных различиях в понимании Бога между монотеизмом и политеизмом, в самих монотеистических религиях образ Бога далеко не однороден. Здесь также имеются существенные различия в Его понимании.

Принципиальные отличия от прочих религий видим в христианстве. По его учению, единый Бог в Своей внутренней жизни является триипостасным: Отец, Сын (Логос) и Святой Дух; Логос, вторая Ипостась, воплощается; спасение человечества совершается Крестом, смертью и Воскресением Христа. Ничего подобного нет ни в иудаизме, ни в мусульманстве, и не только нет, но и, как писал апостол Павел, *мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие* (1 Кор. 1, 23).

О чём говорят эти религиозные различия в учении о Боге?

Хотя Бог есть Дух, и Он выше каких-либо определений, но поклонение Ему, естественно, требует Его *осязаемого* образа (понятийного, нравственного, символического, иконографического), который бы определял не только вероучительное и духовно-нравственное содержание религии, но и всю жизнь верующего. Поэтому в каждой религии существует свой образ Бога, и именно этот Его образ является её Богом. То есть каждая религия имеет своего Бога, и все они очень различны.

Так, апостол Павел Самого Христа называет *образом Бога невидимого* (2 Кор. 4, 4; Кол. 1, 15), *образом Божиим* (Флп. 2, 6), *сиянием славы и образом ипостаси Его* (Евр. 1, 3). И напротив, о язычниках он пишет, что они *славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца* (Рим. 1, 23–25). В Ветхом Завете читаем даже такое: *И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего. Богами чуждыми они раздражили Его и мерзостями своими разгневали Его: приносили жертвы **бесам, а не Богу*** (Втор. 32, 15–17).

Оказывается, поработившись страстям, можно наделить образ Бога

сатанинскими свойствами, и тогда реальное поклонение дьяволу становится сущностью данной религии. Об этом предупреждает апостол Павел: *Язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами* (1 Кор. 10, 20). *Ибо какое согласие между Христом и Велиаром?* (2 Кор. 6, 15).

Таким образом, становится понятно, что мысль о единстве Бога во всех религиях не просто ошибочна, но и глубоко лукава и прямо склоняет к подмене Христа Его противоположностью – антихристом. Она ведёт к фактическому уничтожению всех религий, и прежде всего христианства, и торжеству такой религии, в которой каждый может верить, как хочет, но только в границах царства «земного рая».

Но должен же быть образ Бога, являющийся откровением Самого Бога?

Что отвечает христианство

Я есмь путь и истина и жизнь.

Ин. 14, 6

Каждая религия для подтверждения своей истинности должна иметь объективные аргументы, указывающие на Божественность её происхождения и сверхъестественный характер её истин.

Христианство предлагает целый ряд таких аргументов.

1. Исторический аргумент

Возникновение христианства и особенно его сохранение в условиях беспрецедентных преследований остаётся большой загадкой. Такой авторитетнейший атеистический исследователь этого вопроса, как Ф. Энгельс, писал: «Христианство... возникло в Палестине, причём совершенно неизвестно, каким образом»^[42].

Но почему же неизвестно?

Вопрос о происхождении христианства разрешается с полной научно-исторической достоверностью на основании многочисленных источников. К ним в первую очередь относятся писания Нового Завета, составляющие в совокупности 27 книг восьми авторов, непосредственных очевидцев описываемых ими событий, а также свидетельства учеников апостолов (I–II вв.) и их учеников – древних

христианских писателей Церкви (II–III вв.).

Содержание всех этих источников можно свести к следующим основным положениям: в Иудее явился учитель по имени Иисус, названный Христом. Он отличался исключительной святостью жизни. Это был обещанный древними еврейскими пророками Мессия. Своё мессианское достоинство Иисус Христос засвидетельствовал поразительными чудесами, жертвенной смертью на Кресте, чудесным Воскресением и уникальным учением по всем основным религиозным вопросам.

Основные исторические сведения, содержащиеся в этих христианских источниках, подтверждаются такими «немыми свидетелями», как христианские катакомбы, изображения, монеты, вполне определённо говорящие о времени (первая половина I века) и особенностях возникновения христианства.

Свидетельства этих памятников находят своё полное подтверждение в письменных сообщениях нехристианских историков той эпохи. Эти источники, большей частью враждебные по отношению к новой религии, особенно важны, поскольку не заинтересованы в какой-либо защите христианства.

Наиболее древним из этих сообщений об Иисусе Христе является, по видимому, письмо сирийского философа Мары Бар-Серапиона к своему сыну, написанное из плена в конце I – начале II века. В нём он называет Христа Мудрым Царём, Которого казнили иудеи и Который не умер «благодаря новым законам, которые Он дал»^[43].

Интересное свидетельство о Христе оставил известный римский государственный деятель и учёный Плиний Младший (62–114 гг. н.э.) в своём письме к императору Траяну. В нём он, в частности, сообщает, что христиане «обычно по определённым дням собирались до рассвета; воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное»^[44].

Важное свидетельство о Христе содержится в рассказе крупнейшего римского историка Тацита (55–120 гг. н.э.) о пожаре Рима (64 г.), бывшего во времена правления императора Нерона (54–68 гг. н.э.). В

этом рассказе он пишет, что «Христа, от имени которого происходит это название (христиане), казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие вновь прорываться стало наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме»^[45].

Не менее интересное сообщение принадлежит знаменитому римскому историку Светонию (70–140 гг. н.э.), который в своём труде «Жизнь двенадцати цезарей» сообщает, что император Клавдий (41–54 гг. н.э.) «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, изгнал из Рима»^[46]. Об этом указе императора сообщается и в книге Деяний апостолов, где говорится, что апостол Павел, придя в Коринф, нашёл там высланных иудеев, *потому что Клавдий повелел всем иудеям удалиться из Рима* (18, 2).

Ценное свидетельство об Иисусе Христе оставил еврейский историк Иосиф Флавий (37–100 гг. н.э.). В своём сочинении «Иудейские древности», написанном около 93 года, он, в частности, сообщает: «В это время^[47] жил Иисус, муж мудрый, Которого едва можно назвать человеком, потому что Он совершал чудесные дела, учитель таких людей, которые принимали истину с радостью... Он был Христос. И после того, как Пилат, по доносу знатнейших наших мужей, присудил Его к крестной смерти, однако не оставили Его те, которые и прежде Его любили. Он опять явился им живой в третий день, как пророки Божии предсказывали об этих и многих других, относящихся к Нему делах. И до сего дня не исчез род христиан, названных так по Его имени»^[48].

Здесь же Иосиф Флавий (в книге 20-й, гл. 9) сообщает и об апостоле Иакове: «Первосвященник Анна собрал суд и поставил перед ним брата Иисусова, называемого Хрестом, по имени Иакова [ср.: Гал. 1, 19] и некоторых других, которых обвиняли в нарушении закона, и приказал побить их камнями». Рассказывает об Иоанне Крестителе, называя его «праведным мужем», и о его казни Иродом. При этом Иосиф добавляет, что происшедшая вскоре после этого гибель войска Ирода была «Божиим наказанием Ироду за смерть Иоанна» (кн. 18, гл. 5, 2).

Эти письменные свидетельства показывают, насколько нечестными были заявления так называемой мифологической школы, возникшей

во Франции, и пропаганды советского атеизма, объявивших Христа мифом.

Однако основная сила исторического аргумента, подтверждающего Божественное происхождение христианства, заключается в необъяснимости факта сохранения христианства в условиях почти трёхвековой смертельной угрозы каждому исповедующему Христа. Жестокие гонения на христиан начались с распятия иудеями Самого Христа^[49]. Затем по совершенно непонятным причинам и Рим, отличавшийся полной религиозной свободой, принял карательные законы против христиан.

Христиане были признаны последователями недозволенной религии («religio illicita») и «в принципе объявлены подлежащими наказанию»^[50]. В результате страшные публичные казни христиан совершались по всей империи. Их всенародно подвергали пыткам, на аренах цирков отдавали на растерзание диким зверям, распинали на крестах, осмаливали, привязывали к столбам в парках и с наступлением темноты поджигали и т.д. Об этом сообщают крупнейшие римские историки того времени: Плиний Младший, Светоний, Тацит.

Известный христианский мыслитель и апологет Иустин Философ (†165) свидетельствует, что стоило только человеку объявить себя христианином, как он осуждался на смерть^[51]. Другой крупный апологет Тертуллиан (†220) писал: «Всякая провинция, всякий город имеет своих богов... у одних нас отъемлетя свобода совести»^[52]. За христианами не признавалось само право на существование.

Но что же видим? Множество людей, несмотря на все эти ужасы, принимало христианство и шло на мучения и смерть. Ни одна другая религия в мире не дала за свою историю стольких миллионов мучеников за веру! Иустин Философ писал: «Сократу никто не поверил так, чтобы решился умереть за это учение; напротив, Христу, Которого отчасти познал и Сократ... поверили»!

Как понять этот потрясающий и уникальный в истории мировых религий факт? Никаких логически и исторически оправданных объяснений его нет.

Остаётся признать, что причиной сохранения и распространения

христианства в этих невероятных условиях могло явиться только то, что выходит за границы естественных явлений жизни, но о чём настойчиво сообщает множество свидетелей-очевидцев того времени. Это многочисленные поразительные сверхъестественные факты: исцеления неизлечимых хромым, глухим, слепым, прокажённым и прочих больных, мгновенное получение знания иностранных языков, поразительные духовные и нравственные изменения, происходившие с принимающими христианство, – подобные чудеса сопровождали проповедь апостолов и их учеников. Эти необыкновенные деяния видели и о них слышали очень многие по всей империи (см. Евр. 2, 4). Отсюда становится понятным, почему, несмотря на угрозу жестокой смертной казни, множество людей принимало христианство, и оно в 313 году получило свободу.

Игумен Никон Воробьёв (†1963), в 30-х годах сам перенёсший лагерные страдания за веру, писал: «Уповая на Него [Христа], апостолы всё претерпели, но победили мир – небольшое количество овец победило несметные стада волков. Разве это не доказательство силы и промысления Божия?»^[53]

Действительно, лишь признание Иисуса Христа не просто Человеком, но и Богом объясняет, как могла сохраниться Его религия не только в Римской империи, но и в последующие времена во многих других странах, в том числе в советской России.

2. Вероучительные аргументы истинности христианства

Христианство встало в резкое противоречие по отношению ко всем существовавшим до него религиям^[54].

Ф. Энгельс

Христианство, выступив на арену истории, действительно вступило в резкое противоречие со всеми предшествующими религиями по самым основным вопросам. Все христианские истины: о Боге-Любви, Троице-Боге, Логосе – второй Ипостаси Бога, Его воплощении; о человеке, его духовной жизни, его спасении распятым и воскресшим Христом и др. – уникальны по своему содержанию. Они глубоко отличны как от ветхозаветной иудейской религии, так и от всех других религиозных и философских учений той эпохи. Это множество

новых по существу и удивительных по своему характеру религиозных идей невольно заставляет задуматься, как и откуда могли они возникнуть у не учившегося Сына плотника (см. Ин. 7, 15; Мф. 13, 54-55) и Его учеников – людей некнижных и простых (см. Деян. 4, 13)? У самых известных мудрецов того времени не было даже намёка на подобные мысли. Кто же этот Иисус и каков источник Его удивительных и совершенно новых прозрений и откровений?

Рассмотрим самые основные из них, относящихся к главной истине религии – учению о Боге.

Общие замечания

Когда я говорю о Боге, слова мои подобны льву ослепшему, который ищет водного источника в пустыне.

Максимилиан Волошин

У великого древнегреческого философа Платона (†347 до н.э.) есть такие слова: «Простые вещи не поддаются определению».

Действительно, сложную вещь можно как-то определить, называя составляющие её свойства. Простую же можно понять, только увидев её. Как, например, можно объяснить человеку, что такое красный цвет или сладкий вкус, если он никогда с ними не соприкасался? Очевидно, что способ один – он должен увидеть, попробовать, ибо никакие слова здесь не помогут.

Христианская религия учит о Боге как первичной Простоте, Он, по-славянски, *прóстое* Существо. Поэтому любое слово о Нём, любое Его определение будет недостаточным. И все те имена и качества Бога, которые приводятся в Священном Писании и богословской литературе, являются не чем иным, как лишь некими земными аналогами Его невыразимых свойств. Ибо Он есть Дух, а не какое-то существо из тончайшей материи, и потому не может быть описан языком и понятиями нашего обычного опыта. Преподобный Симеон Новый Богослов (X в.) так и писал: «Я... оплакивал род человеческий, так как, ища необычайных доказательств, люди приводят человеческие понятия, и вещи, и слова и думают, что изображают Божественное естество, – то естество, которого никто ни из ангелов, ни из людей не мог ни увидеть, ни наименовать»^[55].

Но, при всей невозможности дать адекватное описание свойств Бога, тем не менее совершенно необходимо иметь верные ориентиры для их понимания, ибо в противном случае человек теряет и возможность какого-либо отношения к Богу, и идеал своей нравственной и духовной жизни. Поэтому в христианстве Бог открывается как Любовь, Разум, Личность, Справедливость, Святость. Эти и другие положительные Его характеристики утверждают, что Бог – не зло, не неправда, не ненависть, и, таким образом, человек получает возможность чёткого различения между истиной и ложью, добром и злом и т.д. Иначе теряются все нравственные ориентиры жизни, и можно прийти к тому, о чём писал Д. Мережковский:

*И зло, и благо... – два пути,
Ведут к единой цели оба.
И всё равно, куда идти.*

Но христианство своим учением о Боге решительно утверждает: нет, не «всё равно, куда идти»!

У одного из святых – Григория Паламы (XIV в.) – есть замечательное высказывание, которое в кратких и ёмких словах раскрывает ещё одну из сторон христианского учения о Боге и характере Его связи с миром. Святитель Григорий писал: «Бог есть и называется природой всего сущего, ибо Ему всё причастно и существует в силу этой причастности, но причастности не к Его природе, а к Его энергиям». Эта мысль подчёркивает две важные характеристики Бога.

Первая – Бог неотделим и не отчуждён от природы мира и человека, ибо всё существует в силу причастности Ему. Вторая – эта причастность мира Богу не означает однако его единоприродности, единосущности с Богом. Поэтому становится понятным, почему христианство не приемлет деизма^[56], полностью отделяющего и отчуждающего Бога от мира и делающего окружающий мир бездушным объектом потребительских интересов человека. Оно отвергает и пантеизм, отождествляющий Бога с миром, исключаящий в Нём личность и открывающий простор для понимания Его как некой безликой оккультной (скрытой) силы, которую можно использовать в своих интересах – и тогда развиваются разные виды шаманизма, колдовства, магии, сектантства и т.п., уродующие сознание человека, его психику, всю жизнь.

Бог есть Любовь

Христианское учение о Боге не только отличается от многих прежних о Нём представлений, но и возводит Его понимание на высшую для человеческого сознания ступень. Бог в христианстве – не как в других религиях, где Он именуется высшим Разумом, Творцом, Властителем мира, справедливым и милостивым Судьёй. Он – Любовь. Апостол Иоанн Богослов прямо пишет: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). В им написанном Евангелии читаем: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него* (Ин. 3, 16–17). И добровольный Крест Христов показал всю силу этой любви.

Но как понимать в таком случае постоянно встречающиеся в Священном Писании и у святых отцов выражения о Боге судящем, гневающемся, наказывающем, милующем? Святые отцы отвечают на это. Так, святитель Иоанн Златоуст, у которого в проповедях можно встретить сколько угодно высказываний о гневе, огорчении и прочих «чувствах» Бога, когда раскрывает догматическое учение о Нём, то прямо говорит: «Когда ты слышишь слова „ярость“ и „гнев“ в отношении к Богу, то не разумей под ними ничего человеческого: это слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых»^[57]. Подобное же пишет и святитель Григорий Нисский: «Что неблагочестиво почитать естество Божие подверженным какой-либо страсти удовольствия, или милости, или гнева, – этого никто не будет отрицать даже из мало внимательных к познанию истины Сущего»^[58]. Преподобный Кассиан Римлянин даже так говорил: «Без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростью»^[59].

Христианское понимание отношения Бога к человеку можно показать на таком примере. Отец строго предупреждает ребёнка, чтобы он не баловался со спичками. Но, увы, пожар случился. Ребёнка спасли. Что делает с ним отец? Наказывает? Нет! Ребёнок уже с ожогами и плачет от боли. Отец только жалеет его, лечит, приговаривая: «Потерпи, мой милый, всё пройдёт, только больше так не делай». Так и Господь относится к согрешающему человеку.

Ибо грехи – это разной тяжести раны, которыми человек, чадо Божье, увечит, наказывает себя. И Господь, как истинный Отец и Врач, по-прежнему любя его, вынужден для исцеления его души и подготовки к вечной жизни применять соответствующие средства: болезни, внешние и внутренние скорби, несчастья, тяжкие страдания перед смертью и др. Но это не месть, не наказание человеку от Бога, а лекарства Его любви.

Для нехристианского сознания, высшим нравственным принципом которого является справедливость, такая мысль, возможно, трудно приемлема. Но что пишет, например, святой Исаак Сириин: «Милосердие и правосудие в одной душе – то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Милосердие противоположно правосудию. Правосудие есть уравнивание точной меры: потому что каждому даёт, чего он достоин... А милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатью, и ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздаёт (злом), и, кто достоин добра, того преисполняет (с избытком)... Как сено и огонь не терпят быть в одном доме, так правосудие и милосердие – в одной душе»^[60].

Христианское учение о Боге-Любви явилось совершенно новым в древнем религиозном мире, как иудейском, так и языческом. Но как оно могло возникнуть у Иисуса Христа, воспитанного в законнической иудейской вере в Бога, милостивого к праведникам и мстителя грешникам? Это действительно трудный вопрос, если во Христе видеть лишь праведного иудея. Только признание Его *Сыном Божиим* (Мф. 14, 33), *образом Бога невидимого* (2 Кор. 4, 4; Кол. 1, 15) разрешает эту проблему.

Один и три

Credo, quia absurdum

(Верю, потому что непонятно).

Ещё одно новое и беспрецедентное для религиозной и философской мысли того времени учение о Боге находим в Евангелии. Иисус Христос, являясь правоверным иудеем, твёрдо исповедующим единого Бога, вдруг утверждает, что этот единый Бог – не замкнутая в Себе Личность, но в Своей сущности триипостасен – имеет три Лица.

Это безначальный Отец, предвечно рождающийся от Него Сын (Логос-Слово) и предвечно исходящий от Отца Дух Святой. Три Ипостаси единосущны, поэтому имеют единую любовь, единый ум, единую волю, единое действие, «**единотройственную** благодать», по выражению святителя Василия Великого. Это учение о полном сущностном единстве при отчётливо выраженной особенности каждой Ипостаси в Боге поражает своей глубиной и не имеет какого-либо прецедента во всей религиозной истории мира. Последующая святоотеческая и философская мысль постоянно обращается к этой вероучительной истине, усматривая в ней основу понимания сущности бытия.

Чтобы как-то осмыслить и понять это парадоксальное учение о Святой Троице, являющееся непреложной истиной христианства, предлагаются различные аналогии.

Например, у древнегреческих мыслителей было понятие об «атоме» (греч. ἄτομος – неделимый), который считался предельно простой, неделимой частицей, элементарным «кирпичиком» в устройстве всех вещей мира. Это убеждение присутствовало в физике вплоть до XX века, когда было открыто, что внутри «неделимого» атома, оказывается, скрывается целый мир. Вот какие неожиданные тайны открываются при более глубоком проникновении даже в сущность материи.

Подобное же произошло и в познании природы Бога, когда Он полноценно открыл Себя человеку и показал, что, будучи единым, тем не менее в своей сущности является Триипостасным. Это откровение было необходимо, чтобы человек мог знать, что Христос не просто человек, и не просто Бог, принявший вид человека, но Богочеловек, и потому понять, что Его Крест и Воскресение и Его учение являются спасением для человечества.

Учители Церкви, чтобы приблизить понимание истины о единстве Бога и Троичности Лиц в Нём, предлагают и другие аналогии. Так, исходя из того, что человек является образом Божиим, они указывают на троичность духовной природы человека и высказывают следующую мысль. Преподобный Симеон Новый Богослов говорил: «Собственный твой дух во всём уме твоём, и весь ум твой во всём слове твоём, и всё слово твоё во всём духе твоём, нераздельно и

неслиянно. Это есть образ Божий. Как ум не больше и не меньше души, душа – ума, слово – ума и души, таким же образом не больше и не меньше Отец Сына, Сын – Отца, Святой Дух – Отца и Сына, но собезначальны суть и равночестны»^[61]. Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Образ Троицы Бога – троица человек... Ум наш – образ Отца; слово наше – образ Сына; дух – образ Святого Духа... Ум без мысли существовать не может, и мысль без ума. Потому-то всякая мысль имеет свой дух»^[62].

Учение о Боге-Троице не было реакцией на существовавшие в то время представления о божественных триадах – о них плотник Иисус просто ничего не знал. Но вот что можно видеть при сравнении Его учения с теми представлениями.

Христианство говорит о Святой Троице как Едином Боге. Языческие же понятия *тритеизм* и *триморфизм* – соответственно о трёх богах и о проявлениях одного и того же бога в трёх разных видах (формах).

Самой распространённой формой языческих триад являлась *семейная триада*, в которой присутствуют бог-отец, богиня-мать и их бог-чадо. Но в христианской Троице рождает Отец, а не мать, второй Ипостасью является Сын, а не богиня; третья Ипостась, Дух Святой, – вообще неизвестна язычеству. Все три Ипостаси Святой Троицы при этом, в отличие от семейной триады, равночестны, то есть равнопочитаемы, поскольку одной сущности.

Так что кроме числа «три» в этих триадах нет ничего общего с христианской Троицей.

Нет необходимости сравнивать христианскую Троицу с индуистской *тримурти* (Брахма – бог творец мира, Вишну – бог охранитель мира, Шива – бог его разрушитель), в том числе и потому, что её идея появилась лишь около середины первого тысячелетия по Рождестве Христовом.

Христианское учение о Триипостасном Боге является уникальным в истории религий. Ему нет аналогов ни в религиозной, ни в философской мысли древнего мира. Это ещё один факт, свидетельствующий о неземном происхождении учения Христа и Божественности Его религии.

Христос - Бог и Человек

*И беспрекословно – великая
благочестия тайна: Бог явился во плоти.*

1 Тим. 3, 16

Критики христианства указывают на религиозную мифологию древних народов, наполненную воплощениями богов, как на источник христианского догмата о Боговоплощении. Но о каких воплощениях идёт речь в политеистических религиях Греции, Рима, Сирии, Финикии, Индии и т.д.?

Прежде всего, в отличие от полной исторической достоверности личности Иисуса Христа, в религиях языческих боги не имеет никакой связи с историей. Они мифичны, то есть являются олицетворённым выражением определённых идей: неба и мудрости (Афина), красоты и любви (Венера), вина и веселья (Дионис), торговли и магии (Гермес), войны (Марс) и т.д. Поэтому говорить о их воплощениях и перевоплощениях бессмысленно. Всё это игра воображения в виртуальном пространстве, где происходит смена масок у актёров. Так, Зевс, например, превращался в быка, сатира, орла, в золотой дождь. Юпитер – в дракона (крылатого змия), и т.д. Мифология наделяет богов всеми человеческими страстями, как возвышенно-романтическими, так и самыми постыдными, только в неизмеримо большей силе. У Кришны, например, по одному из сказаний, было восемь жён и шестнадцать тысяч наложниц, от которых он имел сто восемьдесят тысяч сыновей.

Поэтому самые авторитетные идеологи атеизма не скрывают, что христианство предложило принципиально новое учение о воплощении Бога, которого не знал древний мир. Так, Ф. Энгельс утверждал, что «последним камнем здания христианства было учение о воплощении сделавшегося человеком Слова в определённой личности и о Его искупительной жертве на кресте для искупления грешного человечества. Каким образом вложен был этот последний камень в стоическо-философские теории, об этом у нас нет действительно достоверных источников»^[63]. То же повторяет и один из ведущих советских идеологов атеизма А. Ранович: «Для нас важно восстановить не столько то общее, что есть между христианством и восточными культами, сколько различия между ними, важно установить специфику христианства по сравнению с родственными

восточными культами. Эта специфика состоит в учении о воплощении»^[64].

Действительно, специфика поразительная:

- Христианство учит о воплощении не Бога, но только Второй Ипостаси Единосущной Троицы-Бога - Логоса.
- Христос - в отличие от мифических богов, не имеющих никаких исторических корней, - является реальной исторической личностью, о которой сохранилось множество свидетельств.

Христианство исповедует не призрачное, но реальное принятие Сыном Божиим человеческой природы, которой свойственно испытывать голод, страдания, гнев, любовь и т.д. При этом, как объясняет святоотеческая мысль, Божественная и человеческая природы во Христе соединены *неслитно* (не образовав чего-то третьего, полубога-получеловека), *неизменно* (без изменения природ), *нераздельно* (неотделимо в единстве Богочеловека), *неразлучно* (навечно), чего совершенно не знает языческая мифология. Более того, как замечает Эпикур (†270 г. до н.э.), «боги не пойдут на то, чтобы сделаться людьми действительными».

- Страдания и смерть Христа не случайны, не бессмысленны, как, например, у Адониса, Аттиса или Осириса, но добровольны, жертвенны и приняты во имя великой цели, «чтобы соделать человекoв богами и сынами Божиими»^[65].
- Христос реально единожды умер и единожды воскрес, и Его Воскресение является залогом и началом всеобщего воскресения человечества - в отличие от мифических богов, которые ежегодно осенью умирали и весной воскресали, не принося людям никакой пользы.
- Христос не аватара (перевоплощение) другого божества и, в свою очередь, не имеет никаких аватар.
- Его образ поражает своим нравственным величием. Он чист от всякой страсти и воплощается по любви к человеку (см. Ин. 3, 16), а не для каких-либо земных целей или тем более похотливых развлечений.

Такого воплощения божества в мифологии не найти.

Откуда же мог возникнуть столь сложный образ Богочеловека в умах необразованных учеников Христа, если ничего подобного ни в иудейской вере, ни в мифологии окружающих народов не было? Образ евангельского Христа создан не поэтами и философами, а

является свидетельством очевидцев, обычных рыбаков, просто и искренно описавших то, что они видели своими глазами и слышали от Его ближайших учеников (см. 1 Ин. 1, 1-3). Этот образ, далёкий от всех прежних представлений о богах, невольно вызывает вопрос: мог ли такой образ быть создан искусственно? Не Сам ли Бог явился во плоти и открыл всё то, что называется христианской религией?

Распятый и воскресший Бог-Спаситель

*Мы проповедуем Христа
распятого, для иудеев соблазн,
а для эллинов безумие.*

1 Кор. 1, 23

Кого обычно называют спасителем? Того, кто исцеляет неизлечимо больного, даёт хлеб умирающему от голода, принимает в лютую стужу замерзающего, освобождает пленного из жестокого рабства... Спасителями являются полководцы и герои, умирающие за свой народ, цари и властители, издающие справедливые законы и искореняющие произвол сильных мира сего, выдающиеся учёные, совершающие открытия, спасающие множество людей и способствующие развитию образования, медицины, искусств, – все, кто даёт народу «хлеб и зрелища».

На фоне этой несомненной, кажется, очевидности выглядит странной и непонятной христианская истина о Спасителе, Который не только ничего подобного не сделал, но и был распят, как опаснейший преступник. Но такая идея не могла быть заимствована ни у иудеев, ждавших своего всемирного царя – Мессию, ни у народов Римской империи, мечтавших о новом Августе – императоре, который в преизбытке даст всем *хлеба и зрелищ*. В истории религий никогда не было учения о Боге, добровольно принявшем казнь и смерть ради спасения грешного, неблагодарного и в основном богопротивного человечества. Поэтому весть о Христе Спасителе была просто абсурдной с точки зрения всех религиозных представлений того времени о всемирном спасителе. Апостол Павел ярко выразил эту «антирелигиозность» учения о Христе: *Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие*. Откуда же в таком случае могло оно возникнуть, если не Сам Бог явился в этом

мире?

Примечание. По многим вопросам, связанным с учением о Христе и Его Жертве: почему Бог не спас человека Своим всемогуществом, о причинах Боговоплощения, смысле Креста, значении Воскресения Иисуса Христа и др. – можно посмотреть лекции автора (курс семинарии) на его сайте: alexey-osipov.ru.

3. Духовно-нравственный аргумент истинности христианства

В христианстве находим и совершенно иное понимание одного из главнейших религиозных вопросов – что требуется от верующего для достижения Царства Божия. В ветхозаветной религии и язычестве верующему обещалось спасение за жертвоприношения, молитвы, совершение священнодействий, добрые дела, подвиги. Спасался тот, кто так поступал. Христос, не отвергая этих внешних предписаний, главным условием спасения человека назвал не их исполнение, а осознание человеком своей греховности и искренность покаяния. Он прямо сказал: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13). В этих словах звучит осуждение тех «праведников», которые смысл религиозной жизни видели в ревностном исполнении обрядовой стороны религии – её закона, но забывали о главном – очищении своей души от всякой неправды.

Поэтому Господь осуждает фарисеев, внешне исполняющих правила церковной жизни, но принимает мошенника мытаря, который от всей души раскаялся в своих грехах: *Боже! Будь милостив ко мне грешнику* (Лк. 18, 13). Женщине, совершившей прелюбодеяние, Он лишь сказал: *Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин. 8, 11). Отпускает грехи не фарисею, пригласившему Его, но грешнице, обливающей слезами раскаяния Его ноги и оттирающей их волосами своими (см. Лк. 7, 44). Первым в рай Он вводит не архиерея, не фарисея, не книжника (богослова), а совершившего тяжкие преступления, но смирившегося и покаявшегося разбойника!

Хорошо писал об этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «Телесный подвиг, не сопровождаемый душевным, более вреден, нежели полезен. Он служит причиной необыкновенного усиления душевных страстей: тщеславия, лицемерия, лукавства, гордыни, ненависти, зависти, самомнения»^[66]. А где нет смирения, там соответственно

возрастает в человеке гордость – богопротивное состояние, худшее всех страстей.

Чем можно объяснить, что в таком важнейшем вопросе христианство оказалось столь принципиально отличным от всех других религий, и даже от той, в которой родился и воспитывался сам Иисус Христос? Каков источник такой смелой, глубоко человеческой, «антирелигиозной» религии? Лишь один ответ, по-видимому, может быть удовлетворительным: её мог создать только Тот, Кто обладал Божественной мудростью и властью и Сам был источником этой религии.

Почему именно Православие

*Позна́ете истину,
и истина сделает
вас свободными.*

Ин. 8, 32

Христианство в своей истории, как и все мировые религии, претерпело многие расколы и разделения, которые образовывали новые формации, подчас существенно искажавшие изначальную веру. Наиболее серьёзными и известными среди них явились католицизм, отколовшийся от Православных Церквей в XI веке, и протестантизм XVI-го столетия, возникший в Католической церкви. Где же истинное христианство?

1. Святоотеческий фундамент Православия

Главнейшей особенностью Православия, в отличие от других христианских исповеданий, является его основополагающий принцип, заключающийся в том, что правильное понимание Священного Писания, как и любой истины вероучения и духовной жизни, возможно только на основе соборности, средоточием которой является согласное учение святых отцов. Речь, естественно, идёт не о единичных мнениях, а об определённом консенсусе^[67] в учении по тому или иному вопросу. Эта особенность Православия объясняется тем, что *согласие отцов* в силу святости их жизни свидетельствует о богооткровенном характере их учения, и потому оно является единственно достоверным критерием во всех вопросах христианской

веры и жизни. Вне этого критерия как богословие, так и духовная жизнь теряют свою достоверность и вырождаются соответственно в бесплодную философию и ложный (прелестный) мистицизм.

Вот как писал о значении этого принципа святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сочти для себя достаточным чтения одного Евангелия, без чтения святых отцов! Это – мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые отцы: чтение писаний отеческих – родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жителству по заповедям евангельским»^[68]. Этот святоотеческий критерий является в Православии основополагающим в оценке истинности любого мнения и любого учения каждой церкви, называющей себя христианской.

Совсем иные критерии наблюдаются в инославных исповеданиях.

2. Католицизм

В католичестве с самого его отпадения от Православия и до настоящего времени истиной в последней инстанции являются определения Римского папы «ex cathedra»^[69]. Этот фактически главнейший догмат звучит так: «Когда римский первосвященник говорит со своей кафедры... как пастырь и учитель всех христиан, он... обладает тою непогрешимостью, которою Божественный Спаситель благоволил наделить Свою Церковь... и поэтому такого рода определения... сами по себе, а не с согласия Церкви, неизменны» (то есть истинны).

Однако этот догмат не имеет под собой никаких оснований: Христос нигде, никогда и никого не наделял «тою непогрешимостью, которою благоволил наделить Свою Церковь». Но римский первосвященник, всю историю боровшийся за власть в Церкви и не достигнув её на Востоке, добился полноты «непогрешимой» власти над Западными церквами.

Римский епископ – папа – имеет полное право (и осуществляет его) по своему усмотрению изменять в церкви всё, что сочтёт нужным: вероучительные истины, принципы духовной жизни, канонические нормы, литургическую практику и т.д. Таким образом, он стал, по выражению А.С. Хомякова, первым протестантом в христианстве.

Весь епископат и прочее духовенство – только вспомогательный орган папы. Без его утверждения решения любых церковных органов, в том числе и соборов, не имеют никакой силы. Он – всё в Католической церкви, он – «наместник Христа на земле», являющийся до настоящего времени и абсолютным монархом государства Ватикан.

Ф.М. Достоевский не случайно писал в романе «Бесы»: «Рим провозгласил [своего] Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение^[70], и, ...возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир»^[71].

Ясно, какое искажение учения Христа и какие тяжёлые последствия могут проистекать из того положения, когда все стороны церковной жизни во всей её полноте определяются одним обладающим абсолютной властью человеком, независимо от его духовного и нравственного состояния.

Подмена верности святым отцам культом папы привело католицизм к повреждению фактически всех важнейших вероучительных истин: о Боге, о Церкви, грехопадении человека, первородном грехе, о Боговоплощении, Жертве Христовой, спасении, о Деве Марии, загробной жизни, о всех таинствах^[72] и т.д.

Насколько глубоко вошла в сознание католиков эта антихристианская идея непогрешимости папы, можно судить хотя бы по следующим примерам.

«Учитель Церкви» (высший разряд святых) Катарина Сиенская (XIV в.) заявляет правителю Милана о папе: «Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него»^[73].

Знаменитый богослов XVI века кардинал Баллармин откровенно разъясняет роль папы в церкви: «Если бы даже папа впал в заблуждение, предписывая пороки и запрещая добродетели, Церковь, если она не желает погрешить против совести, обязана была бы верить, что пороки – добро, а добродетели – зло. Она обязана считать за добро то, что он приказывает, за зло – то, что он запрещает»^[74].

Столь же глубокое искажение в Католической церкви произошло и в

учении о спасении, о святости, о духовной жизни.

В отличие от Православия, которое учит о спасении как *исцелению* человека от страстей, избавлении от смертности, тленности, страстности и полноценном духовном единении его с Богом – обожении, в католицизме спасение трактуется в юридическом смысле – как снятие с человека виновности за грехи и освобождение от наказания. В этом смысле понимаются новозаветные термины *оправдание, искупление, умилоствление*, ставшие ключевыми в богословии. В современном катехизисе Католической церкви читаем: Христос «принёс Свою жизнь в жертву умилоствления, чтобы оправдать многих и принять на Себя их вину». «Иисус возместил нашу вину и принёс Отцу удовлетворение за наши грехи». «Своими святыми Страстями на древе крестном Он заслужил нам оправдание»^[75].

Это искажённое понимание спасения нашло своё выражение в провозглашении неизвестного Церкви догмата о *чистилище*. Логика его проста. Поскольку душу человека покаявшегося, но не принёсшего *удовлетворения правосудию Божию*, нельзя послать ни в ад, ни в рай, то она идёт в чистилище – место, где за невыплату «долгов» за грехи подвергается соответствующим наказаниям.

Отсюда проистекает и учреждение индульгенций^[76] как особых свидетельств об освобождении души от наказания (и средства получения доходов церковью). Так спасение человека из области исключительно духовно-нравственной было перенесено в сферу откровенно судебно-коммерческих отношений с Богом^[77]. (Именно продажа индульгенций явилась последней каплей, переполнившей терпение Лютера, возглавившего Реформацию XVI столетия).

Папа Иоанн Павел II возродил индульгенции и уполномочил епископов предлагать их верующим в рамках празднования начала третьего тысячелетия христианства в 2000 году. Католики могут за благотворительные акции в пользу церкви и благочестивые деяния приобрести индульгенции для себя и для умерших.

Такое понимание спасения, когда исключаются его основные духовные условия: видение человеком своей греховности, покаяние и смирение, породило в католицизме уже откровенно гибельную для

христианина идею *заслуг* и даже *сверхзаслуг* перед Богом. Совершенно очевидно, какое тщеславие и самомнение порождает в душе верующего человека убеждение, что он своими добрыми делами и подвигами приобретает «заслуги».

Это учение окончательно подорвало возможность приобретения верующим, и особенно подвижником, главного условия спасения – смирения, без которого невозможно достижение цели христианской жизни – богоподобной любви. Она у католических аскетов, как правило, полностью заменена откровенно земной романтикой. По учению святых Древней Церкви Востока и Запада, такое искажённое понимание христианской любви губит верующего, приводит его к самомнению, сладострастию, духовной прелести.

Эти искажения ярко иллюстрируются примерами из жизни католических святых.

«Дух Святой» говорит монахине блаженной Анжеле (†1309)^[78]: «Был я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты». Своё отношение к Иисусу Христу она выражает, например, в таких словах: «Могла я всю себя ввести внутрь Иисуса Христа». Или: «Я же от радости Его и от скорби об отшествии Его кричала и хотела умереть», – так что монахини вынуждены были уносить её из костёла^[79].

Точную оценку «откровений» Анжелы даёт один из крупнейших русских религиозных мыслителей XX века А.Ф. Лосев. Он пишет, в частности: «Соблазнённость и прельщённость плотью приводит к тому, что „Святой Дух“ является блаженной Анжеле и нащёптывает ей такие влюблённые речи: „Дочь Моя, сладостная Моя, услаждение Моё, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня“. Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А возлюбленный всё является и является и всё больше разжигает её тело, её сердце, её кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту...»^[80]

Не менее ярким примером является «учитель Церкви» Катарина Сиенская (XIV в.). Вот несколько цитат из её биографии, говорящих

сами за себя. В возрасте около двадцати лет ей было видение, что «её Божественный Жених, обнимая, привлекал её к Себе, но потом взял из её груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное». «И смиренная девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четыре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей»^[81].

«В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов: „Я хочу“». «Некоторые говорят, что решительные слова „я хочу“ она в состоянии экстаза обращала даже ко Христу».

К папе Григорию XI она пишет: «Говорю вам от имени Христа... Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращённый». А к королю Франции обращается со словами: «Творите волю Божию и мою»^[82].

Приходится глубоко сожалеть, что для Католической церкви такие вопиющие факты являются нормой святости и что она предлагает Екатерину в качестве примера подражания русскому православному верующему, издав на русском языке её биографию.

Ещё одному «учителю Церкви», Терезе Авильской (XVI в.), «Христос» после многочисленных своих явлений говорит: «С этого дня ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг». Тереза признаётся: «Душу зовёт Возлюбленный таким пронзительным свистом, что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания». Перед смертью она восклицает: «О Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу!»^[83] Известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая её мистический опыт, писал: «Её представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством»^[84].

Яркой иллюстрацией полного искажения в католицизме понятия о христианской любви и святости является Тереза из Лизьё (Тереза Маленькая, или Тереза Младенца Иисуса, XIX в.), которая, несмотря на свой юный возраст (23 года), была по просьбе французской молодёжи возведена папой Иоанном Павлом II в «учители Вселенской Церкви». Вот несколько цитат из её духовной

автобиографии «Повесть об одной душе».

«Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что стану великой святой». «В сердце моей Матери-Церкви я буду любовью... тогда я буду всем... и через это моя мечта осуществится!»

Что это за любовь – об этом Тереза пишет откровенно: «Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: „Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки“. Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли всё... Этот день принёс не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах»^[85].

Едва ли требуются комментарии к этому сладкому роману бедной девушки – учителю (!) той церкви, которая в таком искажённом понимании духовной любви воспитала Терезу. Отсюда становится вполне понятно, что произошло с самой этой церковью и куда она ведёт своих подвижников. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал о них: «Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность... многие сочли [их] исполненными благодати и святости, а они несчастные жертвы самообольщения»^[86].

Анализ вероучения и принципов духовной жизни католицизма показывает, что Рим создал совершенно новую религию. Об этом писали святые отцы и учителя Церкви.

Святитель **Марк Эфесский** (XV в.): «Мы отторгли от себя латинян не по какой иной причине, кроме той, что они еретики»^[87].

Преподобный **Паисий Величковский** пишет, что латинство откололось от Церкви и «пало... в бездну ересей и заблуждений... и лежит в них без всякой надежды восстания»^[88].

Святитель **Игнатий (Брянчанинов)** прямо называет католицизм «еретической церковью»^[89].

Святитель **Феофан Затворник**: «Папа со своими увлёкся своемудрием и отпал от единой Церкви и веры»^[90]. «Латинская церковь... отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный её грех – страсть ковать новые догматы... Латиняне

повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную»^[91].

Преподобный **Амвросий Оптинский**: «Римская церковь давно уклонилась в ересь и нововведение»^[92].

Святой **Иоанн Кронштадтский**: «Причина всех фальшей римско-католической церкви есть гордость и признание папы действительной главой Церкви, да ещё - непогрешимой. Отсюда - различные ложные правила и постановления при исповедании грехов; отсюда - индульгенции; отсюда - искажение догматов; отсюда - фабрикование святых»^[93].

Того же убеждения были и многие наши выдающиеся православные мыслители.

Ф.М. Достоевский: «Католичество провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир» (роман «Бесы»).

Ю.Ф. Самарин определял католицизм как «иудаизм в христианстве».

Е.Н. Трубецкой называл католицизм «религиозным политиканством».

А.С. Хомяков писал о том, что католицизм - это протестантство в отношении к Церкви.

Следовательно, невозможно говорить о сохранении христианства в католицизме.

3. Протестантизм

Другую крайность в отступлении от христианства можно видеть в протестантизме. Провозгласив основным критерием веры «только Писание» («sola Scriptura») и таким образом отвергнув святоотеческое предание как источник истинного понимания евангельского учения, протестантизм вверг себя в хаос беспредельного субъективизма в изъяснении любой христианской истины веры и жизни. Лютер отчётливо выразил этот догмат протестантизма: «Я не возношусь и не считаю себя лучше докторов и соборов, но я ставлю моего Христа выше всякой догмы и собора». Лютер, как и все его последователи, не увидел, что Библия, предоставленная произвольному объяснению любого верующего или отдельной общины, неминуемо полностью утратит свою

идентичность.

И действительно, протестантизм с самого своего возникновения и до настоящего времени не только непрерывно распадается на десятки и сотни различных ветвей, каждое из которых ставит «своего Христа выше всякой догмы и собора», но и доходит до полного отрицания самых основополагающих истин христианства.

Отсюда возникло в протестантизме учение о спасении *только верою* («*sola fide*», Гал. 2, 16). Лютер, поставив своё истолкование этих слов апостола Павла «выше всякой догмы и собора», провозгласил: «Грехи верующего – настоящие, будущие, а также прошлые, прощаются, потому что покрываются или сокрываются от Бога совершенной праведностью Христа и поэтому не используются против грешника. Бог не хочет вменять, записывать наши грехи на наш счёт, а вместо этого рассматривает как нашу собственную праведность праведность Другого, в Которого мы верим», то есть Христа.

В обряде крещения в протестантизме происходит не очищение от грехов и не рождение в душе *нового человека* (см. Еф. 4, 22–24), а просто *объявление* грешника праведником (так называемая *пронунциация*). Вот как легко стать праведником!

О том, какова эта праведность, пишет сам Лютер: «Душа совершенно не участвует в тех сладострастных делах, которым предаётся тело; она ими нисколько не оскверняется». Однажды Лютер спросил свою супругу, почитает ли она себя святой. Когда Катерина отвечала, что она, будучи грешницей, не может почитать себя святою, Лютер воскликнул: «Вот! Каково проклятое влияние папизма! Мы все верою – святы!»^[94]

Нелицеприятную оценку основателю протестантизма и его учению даёт святитель Игнатий (Брянчанинов): «Сочинения Лютера нестерпимы не только для благочестивого, но даже для благопристойного читателя. Они дышат самым грубым развратом и исступлённым богохульством. Если учение его имело многих последователей, то причины сего в одних были личные, в других политические, в толпе – невежество... Впрочем, лютеранизм доставляет большие удобства человеку, желающему как можно меньше обращаться к Богу и как можно меньше ограничивать себя в

плотских своих пожеланиях».

Так, спустя полторы тысячи лет после пришествия Христа, возникла фактически новая религия с новым базисом веры и совершенно другими принципами жизни, в которых был полностью утрачен какой-либо критерий истинности и разрушены основы христианской духовной жизни.

Что даёт человеку Православие?

Плод же духа: любовь, радость, мир...

Гал. 5, 22

Иногда можно слышать, что христианская вера, обещая человеку будущие небесные блага, отнимает у него эту жизнь. Но такие заявления проистекают из полного непонимания Православия. Достаточно обратить внимание хотя бы на некоторые стороны его учения, чтобы убедиться, какую огромную психологическую и нравственную помощь оно может оказать верующему в решении самых серьёзных проблем его жизни.

1. Человек перед Богом

Вера, что Бог – это не карающий Судья, а неизменно любящий и премудрый Врач, всегда готовый в ответ на покаяние оказать помощь, даёт христианину твёрдость и утешение в самых трудных обстоятельствах жизни, при самых тяжёлых нравственных падениях.

Такая вера избавляет христианина в трудные моменты жизни от разочарования, от чувства заброшенности, тоски и отчаяния, от самоубийства. Верующий понимает, что как врач в зависимости от болезни одному пациенту рекомендует курорт, а другого отправляет на тяжёлую операцию, так и всё неприятное, происходящее с ним, «не напрасно, не случайно», а бывает естественным следствием его духовного состояния. Всё совершается по Божественным законам духовной жизни и потому является для человека самым лучшим в настоящий момент его жизни. Твёрдая вера в Бога даёт возможность правильно оценить те неизбежные несправедливости, которые происходят в человеческом мире. Верующий понимает, что никакой злодей и ничто в мире не смогут сделать ему большего, чем будет позволено Богом в качестве необходимого для него лекарства.

Таков один из неизменных духовных законов человеческой жизни! Знание его оказывает самое положительное воздействие на психологическое состояние верующего человека. Оно даёт ему силы переносить всё с мужеством и терпением, даже с благодарностью Богу. Это умиротворяет его, помогает ему посмотреть на свою жизнь иными глазами, раскаяться в совершённых несправедливых поступках, измениться в отношении к окружающим. Всё это чрезвычайно облегчает внутреннее состояние человека, его семейную жизнь, общественную деятельность.

Вера в то, что Бог всех равно любит, что Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45), спасает верующего от высокомерия, гордости, вражды, унижения других людей; останавливает его язык от осуждения, клеветы и всякой неправды по отношению к любому человеку.

Вера, что эта жизнь является только тем мгновением времени, в которое человек должен сдать экзамен на честность и разумность своих поступков, чтобы затем быть принятым в вечное общение со святыми, чистыми и совершенными людьми, является сильным стимулом для правильной жизни. Эта вера вселяет в человека разумный страх провалиться на посмертном экзамене и оберегает его от бездумной, стихийной и грязной жизни, от злых поступков, преступных замыслов, ненависти и т.п.

Вера православная, утверждая, что все люди заражены страстями и нет человека без ошибок и грехов, спасает верующего от непрерывных осуждений, раздражения, безрассудного гнева, помогает великодушному отношению к недостаткам окружающих людей, сохранению с ними мира, особенно в семейной жизни. Вера постоянно напоминает человеку слова Христа: *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Лк. 6, 41–42). Поэтому верующий, видя свои страсти и слабость бороться с ними, воздержится предъявлять особые требования к поведению другого, вспомнит разумные слова из

басни Крылова: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Вера, что заповедь – *Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12) – является важнейшей в нашем общении с людьми, напоминает верующему о должном отношении к ним, о помощи, справедливости, милосердии и любви.

Вера приносит истинному подвижнику тот великий духовный плод любви, о котором апостол Павел писал: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Даже это небольшое из того, что даёт Православие верующему, показывает, какое благо открывается человеку при искренней вере в Господа Иисуса Христа и указанный Им путь жизни.

2. Идеальный Человек

В отличие от многих славных в истории лиц и идеальных образов человека, создаваемых в литературе, философии и психологии, христианство предлагает того Человека, Иисуса Христа Евангелия, Который стал для множества людей Учителем совершенной святости, Идеалом высшей нравственной и духовной жизни.

Дерево узнаётся по плодам. И искренно принявшие Христа как *путь и истину и жизнь* (Ин. 14, 6) лучше всяких слов засвидетельствовали своим примером, что Он делает с человеком, как изменяет его душу и тело, ум и сердце, делает его носителем действительной любви, выше и прекраснее которой в мире временном и вечном ничего не существует. Эти люди, достигшие высокой духовной чистоты, открыли миру богоподобную красоту души человеческой, показали, кто есть человек по своей природе, в чём его истинное величие и духовное совершенство.

Можно бы привести множество примеров тех людей, которые на самых различных путях своей жизни показали, какое исключительное значение в их деятельности имел образ Учителя их веры – Господа Иисуса Христа. История России – одна из самых ярких иллюстраций этого. Чем они прежде всего покоряли сердца и умы

человеческие? Не великими талантами и познаниями, не блестящими победами, не изяществом своих творений во всех видах искусства, но красотой и величием самого главного в человеке – любви. Ибо, как точно сказал поэт: «Где нет любви, там гаснет жизнь, и дни плывут как дым»^[95].

Именно этому величайшему дару написал апостол Павел столь изумительный гимн:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам всё имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

не радуется неправде, а сорадуется истине;

всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится (1 Кор. 13, 1-8).

Такой образ идеального Человека представляет христианство, указывая на Него, добровольно принявшего жестокую казнь за любовь к человеку!

3. Свобода

Православное понимание свободы исходит из убеждения, что главной и первичной характеристикой свободы человеческой личности являются не её внешние права – говорить, писать, кричать, плясать, а её власть над своими эгоистическими инстинктами и страстями: гордыней, самолюбием, завистью, бессовестностью, лукавством, тщеславием, скупостью и прочим. Ибо только борющийся со своим эгоизмом и побеждающий его способен с действительной любовью

отнестись к другому человеку и может без вреда для себя и для общества пользоваться всеми внешними правами и свободами – быть действительно достойным и полезным членом общества.

Без любви все иные достоинства человека, в том числе и все его свободы, не только обесцениваются, но и могут становиться орудием эгоистического произвола, безответственности, аморальности, поскольку где нет любви, там царство эгоизма, этого начала всех бед общественной жизни человека. Не социальные, политические и прочие права являются источником блага для человека и общества, но та свобода, которая осуществляется по закону любви. Апостол Пётр, обличая проповедников свободы ради свободы, указал на их подлинное лицо: *Произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 18-19).

Глубокий мыслитель седьмого столетия святой Исаак Сирин называл внешнюю свободу без духовной свободы *невежественной*, поскольку она не только не делает человека лучше, святее, но и может становиться эффективным средством развития в нём эгоизма и всякого рода зависимостей. Он писал: «Невежественная (необузданная) свобода есть мать страстей». Поэтому «неуместной этой свободы конец – жестокое рабство»^[96].

Православие указывает средства освобождения от такой лжесвободы и приобретения свободы истинной. Это возможно только на пути нравственной работы над собой, жизнью по Евангелию и его духовным законам. Духовный путь от рабства страстям к богоподобной свободе проверен бесчисленное множество раз.

4. Законы жизни

Есть непреложные духовные законы,
по которым подвергнешься всему,
если не покаешься в прежней гордыне
и не смиришься искренно.

Игумен Никон (Воробьёв)

Какие премии, ордена, звания и славу получают физики, биологи, астрономы и прочие исследователи материи за открытые ими законы, часто не имеющие никакого практического значения в личной жизни человека! А законы духовные, которые ежечасно и ежеминутно влияют на все стороны человеческой жизни, большей частью остаются или неизвестными, или где-то на задворках сознания. Хотя для человека они имеют неизмеримо большее значение, нежели знание законов физического мира.

В отличие от заповедей, которые говорят о конкретных делах и поступках человека, духовные законы указывают на сами принципы его духовной жизни. Законы и заповеди, таким образом, соотносятся между собою как род и вид.

Вот некоторые из законов.

- Самый фундаментальный закон духовной жизни человека может быть выражен в краткой формуле: **Дух творит себе формы.**

Что это значит?

Происходящий внутри человека выбор добра или зла в поступках, в отношении к другим людям, в мыслях, намерениях, мечтах – формирует дух человека, его духовное состояние. Это своего рода духовная матрица, которая определяет характер всей его жизни и деятельности.

Она обуславливает его душевное состояние (оптимизм или беспричинное уныние, тоску), физическое и психическое здоровье, оценки людей и отношение к ним, реакцию на происходящие события и так далее. Духовное состояние человека определяет и все его внешние жизненные обстоятельства: успехи и провалы в деятельности, спокойное течение жизни или неприятности, здоровье и болезни, достижения и несчастья... Всё происходящее с ним, даже самое неожиданное и, кажется, никак не зависящее от него (например, природные катастрофы и прочее), – всё это не случайно, но обусловлено духовным состоянием человека. Этот закон так же определяет и жизнь целых групп людей, обществ, народов, поколений.

Христос говорит: *Ибо, где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24,

28).

Эти слова указывают на то, что причиной всех бедствий и скорбей, проистекающих от власть имущих, является, в конечном счёте, не воля и какие-то отрицательные моральные и умственные свойства правителей, но духовное состояние самого народа. Нравственное разложение народа, духовная смерть делает его трупом – и тем самым естественной жертвой «орлов». Таков закон жизни природной, таков и закон человеческой жизни.

Но в отношении своего народа правители могут совершить только то, что прямо соответствует его духовному состоянию. Ибо действие их находится не в их воле, а в руках промысла Божия, всегда направленного на духовную пользу людей.

«Орлы» же являются не причиной, а следствием духовной деградации народа и всех бед его. Поэтому, прежде всего, покаяние самого народа может изменить его судьбу.

В Библии находим множество свидетельств о действии этого закона в жизни и отдельных людей, и целых народов. Перед Всемирным потопом *сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть... И увидел Господь, что велико растление человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время... И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков* (Быт. 6, 3,5,7). То же самое видим в событии с Содомом и Гоморрой, в истории еврейского народа, в многочисленных фактах жизни отдельных лиц, упоминаемых в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов. Эти факты, как и постоянные Божественные предупреждения о последствиях нераскаянной жизни, указывают на прямую зависимость происходящих событий от духовного состояния человека.

Но что является важнейшим условием правильного духовного состояния? Опыт православной аскетики говорит об этом вполне определённо. Святой Исаак Сирийский, например, писал: «Награда даётся не за делание, но за смирение... Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради неё, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые (добродетели и труды) будут напрасны»^[97].

Эти последние слова очень точно выражают самую сущность

указанного закона. Дух человека оценивается по степени смирения, и только оно даёт верные *формы* всем направлениям творческой деятельности человека.

Однако смирение – это не результат простого желания. Оно, как и любая ценность, материальная или духовная, приобретается трудом. И смирение, являющееся фундаментом правильной духовной жизни верующего, также требует для своего достижения подвига, усилий человека над собой. Эти усилия состоят в исполнении заповедей и покаянии.

- Но как возникают последствия того или иного состояния духа? Непосредственно Бог посылает радости и скорби человеку за его добродетели и грехи, или это происходит иначе? Ответ на этот вопрос находим у целого ряда святых отцов. Его кратко выразил в следующих словах преподобный Марк Подвижник (IV в.): **«Господь положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, приличное ему воздаяние следовало естественно, а не по особенному назначению [от Бога], как думают некоторые, не знающие духовного закона»**^[98].

Что значит *следовало естественно*? Какого *духовного закона* не знают некоторые?

Духовно-телесная природа человека, как и всего сотворённого Богом, устроена совершенным образом, то есть целесообразно, гармонично, закономерно. Но человеку, в отличие от прочих творений, дана свобода, и он может жить как согласно со своей природой, так и вопреки ей. Первое *естественно* приносит человеку благо.

Напротив, когда человек, нарушая законы своей природы, согрешает, он тем самым *естественно* калечит себя и, естественно, страдает. Это и есть тот духовный закон его жизни, которому он волен или подчиняться, сохраняя свою целостность и красоту, или восстать против него, ввергая себя в хаос различных бедствий. Не Бог наказывает такого безумца, но сам человек, нарушая законы жизни своей собственной природы, естественно приносит себе болезни, скорби, страдания. Хотя это происходит и не сразу, не моментально, чтобы человек мог следовать этому духовному закону осмысленно и свободно, а не подчиняясь животному инстинкту страха.

Но Господь своими заповедями предупреждает человека – не прыгай с пятого этажа, чтобы не разбиться! Но если прыгнул и покалечился

– лечись. Как? Святой Исаак Сирий лекарством называет евангельские заповеди: «Что врачевства для больного тела, то заповеди для страстной души»^[99]. То есть как нарушение заповедей естественно влечёт за собой страдания, так исполнение их является естественным средством исцеления человека.

И этот закон распространяется не только на человека. Апостол Павел пишет, что *и сама тварь*^[100] *освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8, 21), указывая тем самым на прямую зависимость всего живого на земле от духовного состояния человека.

- ***Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам*** (Мф. 6, 33). Эти слова Христовы указывают на самый основной закон духовной жизни человека. По этому закону каждому стремящемуся жить по правде и совести, ищущему смысла жизни и нашедшему его в Боге – не только даются мир и радость души, но и приложится всё необходимое для земной жизни. Это не то означает, что Бог наградит человека всеми земными благами за его благочестивую жизнь, как это исповедует язычество, но что правильная духовная и нравственная жизнь, исцеляя душу и тело человека, приносит ему соответственно его духовному состоянию и всё нужное и полезное в земной миг его существования: и мир душе, и хлеб телу.

Твёрдая вера в это изменяет внутренний мир человека и непосредственно, часто чудесным образом удостоверяет его, что Бог действительно готов оказать ему помощь даже в самых, кажется, ничтожных делах и обстоятельствах жизни, и тем более в сложных и критических. Апостол Павел говорит об этом: *Благочестие на всё полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1 Тим. 4, 8).

Игумен Никон (Воробьёв) писал: «Ищи Царствия Божия и правды его — и, по слову непреложному Самого Господа, слову более твёрдому, чем небо и земля, приложится и всё необходимое в материальной жизни. Хотя и испытывает Господь рабов Своих, но и следит за всем, за духовными и за телесными нуждами и всё подаёт в нужное время тем, кто доверился Господу, а не своей ловкости, силе, умению и прочее». «Кто ищет угодить Богу, тот не будет оставлен Богом, лишь бы мы не оставили Его».

- **Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки** (Мф. 7, 12). Это один из насущных законов нашей семейной и общественной жизни. Христос разъясняет его: *Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам* (Лк. 6, 37-38).

Понятно, какое огромное нравственное значение имеет этот призыв к проявлению человеколюбия. Но важно и другое: что это не просто призыв, но именно закон человеческого бытия, исполнение или нарушение которого, как и любого закона природы, влечёт за собой соответствующие последствия. Апостол Иаков предупреждает: *Суд без милости не оказавшему милости* (Иак. 2, 13). Апостол Павел пишет: *Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет* (2 Кор. 9, 6). Потому святитель Иоанн Златоуст, призывая к неуклонному исполнению этого закона любви, произнёс замечательные слова: «Наше только то, что мы дали другому». Игумен Никон (Воробьёв) пишет одной монахине: «Помни закон духовный: какую мерою меришь – такую и возмерится тебе; всем прости – и тебе простится, ко всем будь милостива – и к тебе будет милостив Господь. Не оправдывай себя, чтобы оправдал тебя Господь».

- **По причине умножения беззакония, во многих охладает любовь** (Мф. 24, 12). Этот закон говорит о чрезвычайно важной и, возможно, важнейшей стороне духовной и нравственной жизни человека. Силы любви в человеке, а следовательно, и его счастье прямо зависят от того, в какой степени он следует голосу совести, справедливости, сочувствия, сострадания. Жестокость, безнравственность уничтожают в человеке самое ценное качество его природы – любовь, и он остаётся пустым. Это, в свою очередь, грозит ему возникновением в душе чувства бессмысленности жизни, уныния, тоски, нередко приводит к самоубийству. Современная статистика недвусмысленно говорит о нарастании суицида, прежде всего в европейских странах, материально не бедствующих, но нравственно явно деградирующих. Вот как, например, охарактеризовал психологическую ситуацию на богатом Западе финский лютеранский епископ К. Тойвиайнен в одном из диалогов с делегацией Русской Православной Церкви: «Согласно некоторым исследованиям,

более половины населения на Западе потеряло цель жизни. Мы уже убедились в том, что предметом работы психиатров будет являться чувство уныния, тоски в гораздо большей степени, чем само страдание. Поводом к самоубийству часто бывает экзистенциальная опустошённость человека».

Развращённость целых народов привела многие древние цивилизации, гордившиеся своим могуществом и богатством, к разрушению и исчезновению с лица земли. Сейчас есть много оснований полагать, что такая же участь грозит и современной американизированной культуре, упорно изгоняющей из своей среды саму идею жертвенной любви. Об этой антихристианской культуре, в которой под флагом свободы и прав человека сатанисты пропагандируют аморальность, жестокость, алчность, открыто издеваются над Христом, Мухаммедом – основателями религий, к которым принадлежит более трети населения земли, – православный американский подвижник иеромонах Серафим (Роуз, †1982) писал: «Мы на Западе живём в „райском заповеднике“ для „идиотов“, которому вот-вот придёт конец»^[101].

Один из крупнейших психоаналитиков XX века К. Юнг предупреждал: «Сознание не может безнаказанно мириться с торжеством аморального, и возникают самые тёмные, подлые, низменные инстинкты, не только уродующие человека, но и приводящие к психическим патологиям»^[102].

- **Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится** (Мф. 23, 12). По этому закону, жаждущий славы, власти, почёта и прочего, хвалящийся своими достоинствами и успехами, видящий себя лучшим, чем другие, непременно будет унижен. Святитель Григорий Палама так выражает эту мысль: «Искатели человеческой славы и всё ради неё делающие получают скорее бесславие, чем славу, потому что всем не угодишь»^[103]. Происходит то, о чём говорил ещё библейский Иов: *Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма* (Иов. 30, 26). Поэтому схиигумен Иоанн (Алексеев), валаамский старец, предупреждает: «Всегда так бывает, кто сделает что с тщеславием, жди бесславия»^[104].
- Один из законов, с которым непрерывно соприкасается каждый человек, указан в следующих словах Христа: **Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом** (Лк. 16, 10). Этот закон касается как нашей личной, так и общественной жизни.

Духовная жизнь человека складывается из двух основных векторов: это, с одной стороны, борьба с возникающими дурными желаниями, мыслями, чувствами, с другой – усилия, которые направлены на стремление к жизни по совести и разуму. Данный закон указывает на самую серьёзную зависимость духовного и нравственного состояния человека от его отношения к так называемым мелочам – *малому* – в жизни. Авва Исаия Отшельник предупреждал: «Пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение».

Под этими опасными мелочами обычно подразумеваются недолжные мысли, слова, поступки, прямо не имеющие, как кажется, серьёзного значения, но совершение которых произвольно, без насилия страсти, приводит к разрушительным последствиям во всей духовной и внешней жизни человека. Постоянная, например, нечестность в малом закономерно порождает и нечестность в большом. Такова неумолимая логика нашей человеческой психики. Но этот закон утверждает и другое. Победа над такими *малыми* влечениями приносит человеку большие внутренние силы. Он, прежде всего, приобретает власть над самим собой, и тогда становится способным к великим духовным достижениям.

- **Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу?** (Ин. 5, 44) – сказал Христос. Этот закон говорит об очень серьёзной духовной проблеме, прежде всего, христианина: жаждущий похвал, принимающий лесть – теряет, оказывается, веру. Происходит это постепенно, незаметно, но непременно, ибо таков духовный закон.

В настоящее время публичные восхваления друг друга, особенно в церковной среде, становятся своего рода нормой. Это антиевангельское явление расплзается как рак, ему редко где ставится преграда, хотя, по слову Самого Христа, оно убивает веру. Преподобный Иоанн в своей знаменитой «Лестнице» пишет, что только равноангельный может без вреда для себя вынести похвалу человеческую. Ибо принятие её парализует духовную жизнь человека. Его сердце, по слову этого преподобного, впадает в *окамененное нечувствие*, которое проявляется в охлаждении и рассеянности в молитве, потере интереса к изучению аскетических творений святых отцов, молчанию совести при совершении греха, пренебрежении к заповедям Евангелия. Такое состояние, если

христианин вовремя не опомнится и не начнёт бороться с липкой патокой человеческой лести, может вообще уничтожить у него веру, оставив лишь одну пустую обрядность и лицемерие.

- Святитель Игнатий (Брянчанинов) формулирует один из важнейших законов христианской аскетики: «По непреложному закону подвижничества **обильное сознание и ощущение своей греховности**, даруемое Божественной благодатью, **предшествует всем прочим благодатным дарам**»^[105].

Для христианина, особенно решившегося вести более строгую жизнь, знание данного закона имеет первостепенное значение. Многие, не зная его, считают, что первым и основным признаком духовности является всё большее переживание благодатных ощущений. Но это, оказывается, глубокое заблуждение. Как пишет святитель Игнатий, «первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением»^[106]. Преподобный Пётр Дамаскин объясняет, что при правильной духовной жизни «ум начинает видеть свои согрешения - как песок морской, и это есть начало просвещения души и знак её здоровья»^[107]. То же подчёркивает и святой Исаак Сирий: «Блажен человек, который познаёт немощь свою, потому что это познание делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни»^[108], то есть единственным и необходимым условием получения других благодатных даров. Отсутствие же глубокого и постоянного сознания своей греховности при переживании внутренних наслаждений неминуемо приводит верующего к самомнению, бесовской прелести и духовной гибели.

- Святой Исаак Сирий, говоря об условии достижения человеком высшего состояния - любви, указывает ещё на один закон аскетики. «**Нет способа**, - говорит он, - **возбудиться в душе Божественной любви, ...если она не препобедила страстей**. Кто говорит, что не препобедил страстей и возлюбил любовь к Богу, о том не знаю, что он говорит»^[109].

Речь здесь идёт не о естественной любви, которую может иметь и переживать любой человек, но об особом богоподобном состоянии, которое пробуждается только при очищении души от греховных страстей. Святой Исаак описывает эту богоподобную любовь в таких

словах: это «возгорение сердца человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву... с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в том Богу... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворятся этим»^[110].

Незнание этого духовного закона приводило многих подвижников к самым печальным последствиям. Некоторые из них, не борясь со своими внутренними страстями и не познав своей греховности, не смирившись, мечтательно возбуждали в себе обычную, человеческую, *кровяную* любовь ко Христу, не имеющую ничего общего с любовью Божественной^[111]. Эти погружения в сладкие мечты переносили верующего в воображаемый, нереальный мир, он переживал от этого наслаждения, которые принимал за благодать Божью. Возомнив таким образом о своей святости, он впадал в самомнение, гордость и нередко повреждался психически. Ему представлялись ложные видения – «Христа», «Богоматери», «святых».

Некоторым «ангелы» предлагали нести их на своих руках, и они падали в пропасти, колодцы, проваливались под лёд и погибали. Печальным примером последствий нарушения этого **закона о любви** являются многие католические аскеты, которые, оставив опыт великих святых, доводили себя до безрассудных романов со «Христом».

- **«Сродство между собой как добродетелей, так и пороков».** Такова формулировка святителем Игнатием (Брянчаниновым) ещё одного закона духовной жизни. Его в деталях великолепно показывает в своей «Лестнице» преподобный Иоанн Синайский, «по полочкам» раскладывая и разбирая все основные добрые и греховные свойства падшего человека.

Святитель Игнатий изъясняет этот закон таким образом:

«Необходимо знать возлюбленным братьям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собой; точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собой. По причине этого сродства произвольное подчинение

одному благому помыслу влечёт за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой.

Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечёт невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечёт в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечёт к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, по изречениям Отцов, не терпит пребывать беспутной в сердце»^[112].

Святитель Игнатий в своей статье «**Отношение христианина к страстям его**» на основании этого закона делает очень важный вывод: «Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей; таковы: объедение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, злопамятство, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства. В духовном подвиге следует преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собой»^[113].

Не зная этого закона, человек не обращает внимания на так называемые «мелкие» грехи» и *произвольно*, то есть без насилия страсти, совершает их. Но оказывается, «пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»^[114], - приводит святитель Игнатий слова преподобного Исаии Отшельника.

О том, насколько важно знание и соблюдение этого закона, говорит опытейший наставник в духовной жизни преподобный Исаак Сирин: «Премудрый Господь благословил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к поиску дочерей прежде обретения матери, то добродетели эти становятся ядовитыми ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрёшь»^[115].

Таково одно из строгих законоположений духовной жизни, открытое подвижническим опытом святых.

- А вот здравый совет, касающийся нашего «владыки – чрева»^[116]: «**Кто будет есть досыта, тот и от полезного получит вред**»^[117].

Бессмертие

Мы можем размышлять, но
не настаивать на своих умозаклчениях,
не возноситься ими как истинными
и проклинать несогласных,
а смиряться перед Тайной Божьей.

Ф.

В данной главе рассматривается одна из самых сложных и серьёзных проблем христианской апологетики, прямо связанная с учением о Боге, – вечная участь человека по православному вероучению. Проблемность этого вопроса обусловлена тем, что Новозаветное Откровение говорит, с одной стороны, что Бог есть любовь и что Он сотворил человека для вечной блаженной жизни, а с другой, что спасутся только праведники, а грешники пойдут в вечные мучения.

В святоотеческом наследии по этому вопросу в полном соответствии с Откровением также присутствуют те же две мысли. Первая говорит, что Жертвой Христовой ад уничтожен, посмертные страдания будут не вечны и в конечном счёте *будет Бог всё во всё* (1 Кор. 15, 28). Вторая, являющаяся непререкаемой истиной и во всех нехристианских религиях, – что спасаются только праведные праведники, а миллиарды всех прочих людей пойдут навечно в ад.

Второй взгляд вызывает особенно болезненное недоумение у многих, утверждающих, что Православие под видом проповеди о Боге-любви в действительности обещает вечный ад всему человечеству, за исключением ничтожной горстки праведников.

Вот, например, строки из письма: «Добрый день, Алексей Ильич! На мой вопрос: „Любит ли нас Бог, если страдания и здесь, и там после смерти“, – Вы ответили в программе на канале „СОЮЗ“. Вы сказали, что это тайна и что нелогично создавать нас для страданий вечных (и здесь и там), если нас любят. Видимо, эта часть религии для меня не познаваемая, но и вера в Бога тогда не искренна, к сожалению. Теперь я поняла, о чём говорили философы. „В православии Бог – самый жестокий, какого можно представить, сам на муки пошёл и

требует этого от последователей. Или они Бога трактуют так, как им выгодно запугивать и унижать людей, или их Бог начальник концлагеря. Создать сильного дьявола и глупого, слабого и немощного человека, а потом скармливать этого человека дьяволу и при жизни, и после смерти“.

Так же и молодёжь думающая говорит. Или Бог что-то иное – не то, как Церковь Его представляет. В отличие от меня – молодёжь прочла больше книг святых отцов, и ужаснулись от противоречий... Видимо, мы все слишком недалёки, чтобы мудрости Бога понимать...

Церковь, в большинстве своём, в лучшем случае просто фанатически требует, ничего не анализируя и не объясняя, в худшем – проявляя надменность к нам, как к неучам безграмотным. Лиза».

Или такое краткое письмо: «Вечные муки грешников означают вечное существование ада, то есть отсутствие окончательной победы Христа над смертью, над грехом, над дьяволом. А почему же тогда Церковь называет Христа победителем ада? Юрий».

Такие недоумения, вопросы и обвинения Церкви, к сожалению, часты. Поэтому сделана попытка на основе анализа текстов Священного Писания и святоотеческих творений рассмотреть эту проблему.

Православие определённо говорит о бессмертии человеческой личности и о том, что земная жизнь тогда только приобретает смысл, когда рассматривается как ответственный этап, на котором человек определяет свою вечную участь. Без такой веры жизнь со всеми её достижениями, целями и надеждами полностью обесмысливается смертью. Жизнь без надежды жить теряет всю свою ценность.

Об этом прекрасно сказал Ф.М. Достоевский: «Только с верой в своё бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле». «Без веры в свою душу и в её бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо».

Но каково будет это бессмертие? И здесь открывается ещё одна особенность православной веры, отличающая её от всех других религий мира, в которых, действительно, спасаются только праведники, а все грешники подвергаются бесконечным мучениям. Православие говорит, что вечная жизнь открыта не только

праведникам и святым, но возможна даже и великим грешникам.

Что это значит?

1. Две эсхатологические^[118] концепции

Священное Писание и Священное Предание Церкви, в лице её святых отцов и учителей, отвечают на этот вопрос, как уже отмечено, двояко: с одной стороны, утверждается, что вечную жизнь во всём её совершенстве получают только праведно живущие в Православной Церкви, а все грешные её члены и все неправославные будут вечно мучиться; с другой – благодаря Жертве Христовой все люди, пройдя болезненное, соответствующее тяжести совершённых грехов и неискоренённых страстей *лечение* (а не *возмездие*), также наследуют жизнь вечную.

В богословской литературе, рассматривающей эту тему, обычно цитируются священные и святоотеческие тексты, говорящие о вечности ада, и не упоминаются многочисленные противоположные свидетельства. Это, естественно, может вызывать только недоумение.

Основной вопрос, который ставится перед первой точкой зрения: если Бог есть любовь, то мог ли Он дать бытие тому бесконечному множеству людей, о которых знал, что они изберут грех и пойдут на нескончаемые мучения? Не подрывается ли таким предположением основная христианская истина о Боге-любви?

Известна попытка ответа, принадлежащая преподобному Иоанну Дамаскину, который писал: «Если же имевшим существовать в будущем по причине благодати Божией то обстоятельство, что они имели оказаться злыми по своему собственному произволению, попрепятствовало бы, чтобы они произошли, то зло побеждало бы Божию благодать»^[119]. Трудно понять логику этого высказывания, поскольку Бог здесь ставится в прямую зависимость от тех злых существ, творение которых находилось только в Его воле. При этом саму благодать Божию преподобный Иоанн усматривает в том, что Бог дал жизнь тем, которые пойдут в вечные мучения. И если бы Он не дал им этой жизни, то «зло побеждало бы Божию благодать».

Бескомпромиссный ответ на этот вопрос дал один из вождей протестантской реформации XVI века Кальвин, который утверждал:

поскольку Бог знал, кто и как использует свою свободу, но дал жизнь и добрым, и злым, следовательно, Он изначально преопределил одних людей к спасению, а других к вечной гибели. Эта точка зрения обосновывает учение о вечных муках бесконечного множества людей.

Но Церковь отвергла учение Кальвина, поскольку оно явилось искажением основополагающей христианской истины о Боге-любви и прямым обвинением Его в страшной участи фактически всего человечества, за исключением ничтожного числа праведников.

Но какой ответ даёт Церковь, то есть Священное Писание и святоотеческое учение, на этот силлогизм Кальвина? Ответ парадоксален: мы видим свидетельства и о вечности мучений, и о всеобщем спасении! При этом нередко и то и другое встречаем у одного и того же святого отца. Как это понимать?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться непосредственно к самим свидетельствам Церкви.

Поскольку в богословской, учебно-богословской и церковно-публицистической литературе тексты о вечности мучений широко представлены, то здесь нет необходимости приводить их.

Лишь в качестве иллюстрации укажем на некоторые.

Из **Евангелия**:

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... И пойдут сии в муку вечную (Мф. 25, 41,46).

Кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению (Мк. 3, 29).

Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. 3, 36).

Из творений **святых отцов**.

Святитель **Григорий Богослов**: «Но нам, когда мы в опасности утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, – какой предлежит подвиг?»^[120]

Преподобный **Макарий Египетский**: «Зачавшие в своём сердце грех

и породившие чад беззакония не могут в оный [судный] день избежать страшного и всепожирающего огня, но и души и тела их будут вместе осуждены»^[121].

Преподобный **Максим Исповедник**: «Мзду за подвиги в добродетели составляют бесстрастие и ведение. Ибо они виновниками бывают для нас Царствия Небесного, как страсти и неведение – муки вечной»^[122].

Свидетельства о спасении Жертвой Христовой всего рода человеческого, как правило, не приводятся, поэтому их необходимо осветить более подробно.

Во избежание ложного понимания цитируемых далее текстов Священного Писания приводится святоотеческое их толкование.

Апостол Пётр:

- *Христос... находящимся в темнице... сойдя, проповедал некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, [погибшим при потопе] во дни Ноя... мертвым (1 Пет. 3, 18-20; 4, 6).*

Преподобный Максим Исповедник так объяснял эти слова апостола Петра о сошествии Христа в ад: «Писание называет „мёртвыми“ людей, скончавшихся до пришествия Христа, например, бывших при потопе, во время столпотворения, в Содоме, Египте, а также и других, принявших в разные времена и различными способами многообразное возмездие и страшные беды Божественных приговоров. Эти люди подверглись наказанию не столько за неведение Бога, сколько за обиды, причинённые друг другу. Им и была благовестуема, по словам святого Петра, великая проповедь спасения – когда они уже были осуждены *по человеку плотию*, то есть восприняли, через жизнь во плоти, наказание за преступления друг против друга, – для того, *чтобы жили по Богу духом* (1 Пет. 4, 6), то есть, будучи во аде, восприняли проповедь Боговедения, веруя во Спасителя, сошедшего во ад спасти мёртвых»^[123].

Апостол Иоанн Богослов:

- *Он есть милостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира (1 Ин. 2, 2).*

Апостол Павел:

- *Как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою Одного всем человекам оправдание к жизни (Рим. 5, 18).*

Блаженный Феофилакт Болгарский объясняет это место: «Через оправдание единого Христа на всех людей излилась благодать, дающая им и оправдание, вместо греха, и жизнь, вместо смерти» ^[124].

- *Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! (Рим. 11, 32-34).*

Блаженный Феофилакт истолковывает эти слова: «Когда же спасены язычники, спасутся, соревнуя им, и иудеи, и таким образом все будут помилованы» ^[125].

- *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... Последний же враг истребится - смерть... Когда же всё покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему, да будет Бог всё во всё (1 Кор. 15, 22,26,28).*

Блаженный Феодорит Кирский объясняет: «Обратите внимание на основание рода, и увидите, что за прародителем последовали и потомки, и все стали смертными; потому что он приял смертность. Так всё естество человеческое последует за Владыкою Христом и приобщится воскресения».

Блаженный Феофилакт: «Некоторые же говорят, что этим, то есть покорностью всего, означает прекращение зла. Ибо когда не будет греха, очевидно, что Бог будет всё во всех... все будем богоподобны, все будем вмещать в себе Бога, и только Его» ^[126].

- *Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? (1 Кор. 15, 54-55).*

Святитель Феофан Затворник: «Когда тление таким образом изгнано будет из всех областей бытия и всюду воцарится бессмертная жизнь, тогда всё преисполнено будет радостью жизни» ^[127].

- *Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений*

их, и дал нам слово примирения (2 Кор. 5, 19).

Блаженный Феофилакт объясняет: «Отец примирил нас с Собою... показавший такую близость к людям, что не только не наказал их, но и примирился с ними, и не только простил их, но и не вменил им грехов. Ибо если бы Он захотел требовать отчёта, то все погибли бы».

Святитель Феофан: «Как же Он примирил? Оставив им согрешения. Ибо иначе бы не был друг. Потому апостол и сказал далее: „Не вменяя им прегрешений их“. А если бы Он захотел требовать отчёта во грехах наших, то все мы погибли бы. Но, при таком множестве грехов наших, Он не только не потребовал нам наказания, но и примирился с нами; не только оставил грехи наши, но и не вменил нам»^[128].

- *Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою (Кол. 2, 14-15).*

Блаженный Феофилакт: «Ибо все мы были повинны греху и наказанию, но Он... на кресте разрушил грех и наказание»^[129].

Это провозвещал и древний пророк Исаия:

- *И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие; ибо уста Господни изрекли это (Ис. 40, 5).*

Можно указать и на свидетельства, содержащиеся практически во всех богослужениях Православной Церкви, особенно в воскресных. В них постоянно повторяется мысль, что ад разрушен, что смерть, поразившая человека в грехопадении, уничтожена Воскресением Христовым; что врата рая открылись для всех.

Вот несколько примеров из огромного количества богослужебных текстов, говорящих о спасении всех людей Жертвой Христовой.

В последовании утрени **Страстной Пятницы** слышим:

«Рукописание наше [грехов] на Кресте растерзал еси, Господи, и, вменився в мертвых, тамошнего мучителя связал еси, избавль всех от уз смертных Воскресением Твоим» («Блаженны» Триоди постной).

В Великую Субботу:

«Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим» (тропарь 6-й песни канона).

Особенно торжественно возглашается эта истина на **Светлое Христово Воскресение**:

Христос, «умертвивый смерть», «смертию смерть поправ», «смертное жилище разори».

В пасхальном каноне она звучит непрерывно. На 7-й песни, например (русифицируя текст):

«Смерти празднуем умерщвление, ада разрушение, иной, вечной жизни начало, и радостно прославляем Совершившего это – Единого благословенного и препрославленного Бога отцов» – Христа.

В воскресных тропарях, кондаках и стихирах множество раз повторяется всё та же мысль:

«Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества» (воскресный тропарь 2-го гласа)^[130].

«Разрушил еси Крестом Твоим смерть» (воскресный тропарь 7-го гласа). И так далее.

На утрени слышим: «Днесь спасение миру бысть»!

Об этой же окончательной победе Христа над адом и смертью пишет в своих творениях целый ряд святителей.

Амвросий Медиоланский: «Грешник по смерти пройдёт через страдание огня, дабы, быв очищен огнём, он спасся и не мучился непрестанно»^[131].

Амфилохий Иконийский: «Когда явился аду, Он разорил гробницы его и опустошил хранилища... все были отпущены... воссиял свет и рассеялась тьма»^[132].

Афанасий Великий: «Он Тот, Который древле вывел народ из Египта, а напоследок всех нас, или, лучше сказать, весь род человеческий искупил от смерти и возвёл из ада»^[133].

Афанасий (Сахаров, †1962): «Для меня дороже всего Православие. Я не могу его и сравнивать с каким-либо другим исповеданием, с какой-либо другой верой. Но я не дерзаю сказать, что все

неправославные погибли безнадежно. У Господа многая милость, и многое у Него избавление»^[134].

Василий Великий: «Ибо Господу надлежало вкусить смерть за всякого и, став умилоостивительною жертвою за мир, всех оправдать Своею кровью»^[135].

Григорий Богослов: «*Будет Бог всё во всё* (1 Кор. 15, 28) до времен совершения всего [греч. ἀποκαταστάσεως πάντων, буквально: «восстановления всего» – Деян. 3, 21] ...когда и мы, которые теперь, по своим движениям и страстям, или вовсе не имеем в себе Бога, или мало имеем, – перестанем быть многим, но сделаемся всецело богоподобными, вмещающими в себе всецелого Бога и Его единого. Вот то совершенство, к которому мы поспешаем! И о нём-то особенно намекает сам Павел: *Нет ни элина, ни иудея... но всё и во всё Христос* (Кол. 3, 11)»^[136].

Григорий Богослов даже писал о возможности огненного крещения в аду: «Может быть, они [отпадшие] будут там крещены огнём – этим последним крещением, самым трудным и продолжительным, которое поедает вещество как сено и потребляет легковесность всякого греха»^[137].

Григорий Нисский: «По совершенном устранении зла из всех существ во всех снова воссияет боговидная красота, по образу которой были мы созданы в начале»^[138].

Епифаний Кипрский: «За нас Пострадавший... снисшедши в преисподнюю... вывел пленные души, и ад соделал пустым»^[139].

Иоанн Златоуст в Слове на утрени Святой Пасхи: Христос «опустошил ад, сошедши во ад; ад упразднён... умерщвлён... низложен... связан... Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоя победа? Воскрес Христос – и ты низложился. Воскрес Христос – и пали бесы... Воскрес Христос – и мёртвого ни одного нет во гробе».

Феодорит Кирский в толковании на слова апостола Павла *будет Бог всё во всё* писал: «Так, наконец, *будет Бог всё во всё*, когда все избавлены будут от грехопадений и к Нему обратятся, и не будут уже принимать в себя наклонности к худшему».

Феофан Затворник, объясняя слова апостола Павла: *Христос за*

всех умер (2 Кор. 5, 15), пишет: «Апостол понимает не верующих только, но всех людей, живущих во всякое время». «Всех людей, говорит, понимаем мы теперь не как плоть и кровь: родился, жил и умер, – а как лица, предназначенные воспринять в себя начала Божественной жизни, в залог воскресения и преславной жизни в нетлении... Дело жизни о Христе Иисусе, или духовного в Нём оживления человечества, только началось при апостолах; в массу человечества положена только закваска и проникла лишь ближайšie слои, но так как она предназначена была проникнуть всё, то святой Павел в этом начатке оживления человечества мог созерцать уже оживлённым и всё его».

Он же писал: «Бог не лицемерен и будет судить всякого по тому закону, который он признавал для себя обязательным»^[140].

Такое же понимание этого вопроса находим у многих преподобных.

Ефрем Сирийский не сомневается, что «во гласе Господа [при сошествии в ад] ад получил предупреждение приготовиться к последующему Его гласу [во Втором Пришествии], который совершенно упразднит его»^[141].

Иоанн Лествичник: «Всех одарённых свободною волею Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных... *ибо нет лицемерия у Бога*» (Рим. 2, 11)^[142].

Исаак Сирийский: «Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения своего. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и побеждающее радость любви Его? И что такое геенна перед благодатью воскресения Его, когда восставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечётся в нетление, и падшего во ад восставит в славе?.. Есть воздаяние грешникам, и вместо воздаяния праведного воздаёт Он им воскресением; и вместо тления тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость – воскресить нас после того, как мы согрешили, – выше милости привести нас в бытие, когда мы не существовали»^[143].

«Если человек говорит, что лишь для того, чтобы явлено было долготерпение Бога, мирится Он с ними [грешниками] здесь, с тем,

чтобы безжалостно мучить их там – такой человек думает невыразимо богохульно о Боге... Такой... клеветает на Него». «Не для того милосердный Владыка сотворил разумные существа, чтобы безжалостно подвергнуть их нескончаемой скорби – тех, о ком Он знал прежде их создания, во что они превратятся после сотворения, и которых Он всё-таки сотворил»^[144].

Максим Исповедник: «Тогда же повреждённые силы души с течением времени сбросят память о зле, укоренённом в душе, и, приближаясь к пределу всех веков и не находя места покоя, душа придёт к Богу, у Которого нет предела; и таким образом благодаря знанию, а не соделанному добру, душа воспримет свои силы обратно и будет восстановлена [αποκαταστήσει] в своём изначальном состоянии, и тогда станет ясно, что Создатель никогда не был причастен к греху»^[145].

Силуан Афонский: «Мы должны иметь только эту мысль – чтобы все спаслись»^[146]. Однажды к преподобному Силуану пришёл некий монах-пустынный, который говорил: «Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне». Пустыннику эта идея доставляла нескрываемое удовольствие. Но старец Силуан ответил с душевным волнением: «Ну скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?» «А что поделаешь, сами виноваты», – ответил пустынный. Тогда старец сказал со скорбью: «Любовь не может этого понести... Надо молиться за всех»^[147].

Таковы свидетельства святых отцов, содержащиеся как в богослужебных текстах, так и в их творениях^[148]. И невозможно предположить, чтобы эти апостолы, святители, преподобные не понимали Евангелия или, что «невыразимо богохульно», сознательно противились Христу, уча о конечности мучений *непокорных* и духовно *мёртвых* и «спасении всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных». Именно так им было открыто Духом Святым.

Но ведь целый ряд святых, в том числе и только что приведённые, пишут в других случаях и о вечности мучений. И они это говорят тоже не в качестве личного мнения, но также будучи просвещаемы Духом Божиим и вполне осознавая, что высказывают

взаимоисключающие утверждения. Как же это понимать и каково же в таком случае учение Церкви?

Исходя из логики христианского Откровения о Боге, Который, будучи любовью, творил человека и пострадал за него на Кресте для его блага, можно бы сделать окончательный вывод о невозможности в принципе вечных мучений. Однако строгая наука требует, чтобы в выводах были учтены все факты, относящиеся к обсуждаемому вопросу. В данном случае такими фактами являются свидетельства Священного Писания и святых отцов, которые говорят не только «за», но и «против» этого, кажется, логически безупречного вывода. Поэтому остаётся сделать единственно возможное заключение, что в этом вопросе мы стоим перед лицом очевидной тайны *того* мира – тайны вечности.

О чём она говорит верующему сознанию?

О том, что прямое раскрытие человеку этой тайны сопряжено, следовательно, с серьёзной опасностью для него. Опасность заключается в том, что убеждение в спасении только праведников может привести любого христианина, естественно, видящего себя грешным, в отчаяние и отсюда к полному отступлению от всех норм христианской жизни. Но и вера в безусловность своего спасения (как, например, в протестантизме) может столь же легко повлечь за собой безразличие к своей христианской жизни. То есть в любом случае, если бы Господь прямо открыл вечную участь человека, это для подавляющего числа людей явилось бы духовной катастрофой.

Двойственный же характер свидетельств, когда ни один из вариантов не утверждается и не отрицается, оказывается, таким образом, для человека единственно верным средством сохранения за ним его нравственной свободы. Ибо, с одной стороны, всегда остаётся надежда на спасение грешников, о чём неоднократно говорит Евангелие. С другой – не даётся повода для лукавого самоубеждения в несомненности своего спасения.

Святитель Григорий Нисский, например, писал по этому поводу: «Посредством наших свойств Провидение Божие приспособляется к нашей немощи, чтобы наклонные ко греху – по страху наказания удерживали себя от зла; увлечённые прежде грехом – не отчаивались

в возвращении через покаяние»^[149].

Вот почему Господь не раскрыл человеку тайну его вечности.

Это таинственное молчание снимает и с Церкви печать тяжёлого обвинения в будто бы безусловности её учения о вечных мучениях фактически всего человечества (за исключением ничтожного числа праведников), в том числе и неповинных детей, которые по разным причинам оказались в земной жизни вне Православной Церкви.

В то же время всех размышляющих над тайнами Божьими Церковь предупреждает строгими словами преподобного аввы Исаии Отшельника: «Кто понимает и исполняет слова Писания по своему разуму, настаивая упорно, что именно так следует понимать и исполнять их, тот не ведаёт славы и богатства Божиих. Напротив того, кто, и понимая, говорит: „Не знаю с точностью слова Божия, потому что я ограниченный человек“, – тот воздаёт славу Богу. В нём будет обитать слава Божия, соответственно его преуспеянию и смиренномудрию»^[150].

2. Тайны мира духовного

И в Священном Писании, и у святых отцов видим, как диалектически раскрываются некоторые вопросы веры, в том числе относящиеся и к конечной участи человека. Чем обусловлено это?

Можно указать на несколько причин.

Первая заключается в том, что человек в настоящем повреждённом состоянии, замкнутый в четырёхмерном пространстве-времени, не может адекватно ни осмыслить иного мира, ни даже соприкоснувшись с ним, описать в понятиях земного опыта. Апостол Павел открыл коринфянам, что он *был восхúщен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 4). Преподобный Симеон Новый Богослов объясняет причину этой *неизреченности*: «Люди приводят человеческие понятия, и вещи, и слова и думают, что изображают Божественное естество, то естество, которого никто ни из ангелов, ни из людей не мог ни увидеть, ни назвать»^[151].

Поэтому священные писатели вынуждены были прибегать к разного рода аналогиям, сравнениям, метафорам, чтобы хоть как-то донести

необходимое для спасения до сознания человека. Но аналогия – это всё же не объяснение, а лишь намёк.

Вторая причина – в неопределённости понятия вечности. Вечность нередко трактуется как бесконечное время. Однако время и вечность – совершенно разные категории. Время – явление преходящего мира, вечность – будущей жизни^[152]. Возможно, что и это является одной из причин взаимоисключающих высказываний по вопросу о вечной участи человека. Но в любом случае понимание вечности остаётся для человека такой же тайной, как и многое другое в *том* мире.

Третьей причиной такой на первый взгляд странной двойственности суждений о конечной участи человека является необходимость излагать истины веры применительно к человеку. То есть иногда они формулируются строго, а в других случаях излагаются в соответствии с уровнем умственного и духовного развития адресата, с его психологией. Святитель Феофан Затворник подчёркивал эту педагогическую причину: «Ничто так сильно не остепеняет, как страх адских мучений»^[153]. Поэтому у многих святых находим высказывания и о вечности, и о временности посмертных мучений.

Вот несколько примеров такой двойственности.

Преподобный Ефрем Сирийский, утверждавший, как мы помним, что Господь «совершенно упразднит» ад, в другом случае пишет: Он «праведников вознесёт на небо, а нечестивых ввергнет в геенну»^[154].

Святитель Иоанн Златоуст, говоривший в Слове на Святую Пасху, что сошествие Христа упразднило, умертвило, низложило ад, в другом месте проповедовал: «И грешникам надлежит облечься бессмертием – не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего – мучения»^[155].

Святитель Феофан Затворник в толковании на 1 Кор. 15, 22–23 говорит, что «не все вкусят блаженной жизни о Нём» (Христе). Но уже далее, объясняя слова *будет Бог всё во всё*, пишет, что «через воскресение совершится окончательное *восстановление* [греч. ἀποκατάστασις] падшего человечества, и явление его в предназначенной ему славе»^[156].

Поэтому Церковь ни на одном Вселенском Соборе, в том числе и на

Пятом (553 г.), осудившем языческое учение Оригена (†250)^[157], не осудила ни одного из святых отцов, писавших как о вечности ада, так и о его конечности. Более того, на Шестом Вселенском Соборе (680 г.) святители Григорий Нисский, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, у которых были прямые высказывания о спасении всего человечества, не только не подверглись осуждению, но и были выделены в качестве избранных святых. На Седьмом же Вселенском Соборе (787 г.) святитель Григорий Нисский был назван даже «отцом Отцов»^[158].

Неоднозначность учения Писания и святых отцов о проблеме ада священник Павел Флоренский назвал «антиномией геенны». Её пытались разрешить многие русские православные мыслители, такие как: прот. Александр Туберовский, свящ. Анатолий Жураковский, прот. Сергей Булгаков, князь Е.Н. Трубецкой, проф. В.И. Экземплярский, Н.Ф. Фёдоров и другие. К сожалению, эти исследователи мало обращались к святоотеческому наследию. Своеобразный итог богословско-философского исследования этой проблемы подвёл Н.А. Бердяев, назвав её «предельной тайной, не поддающейся рационализации»^[159].

3. Что такое невечные муки

Обе означенные эсхатологические концепции только взятые вместе объясняют причину двойственности свидетельств Откровения о вечной судьбе мира. Каждая в отдельности не имеет окончательного богословского завершения, у обеих свои уязвимые места. Первая не снимает логического противоречия между двумя исходными посылками: любовью Бога и творением человека, подавляющее большинство потомков которого обречено на вечные мучения. При этом ссылка на свободу человека не решает проблемы, поскольку речь идёт не о свободе человека, а о воле Бога: мог ли Бог, если Он любовь, зная, что бесконечное множество людей окажется в бесконечных мучениях, сотворить человека только ради малого числа спасённых праведников? На этот вопрос данная точка зрения ответа не даёт.

Но и второй эсхатологический взгляд, говорящий о конечности мучений, сталкивается, кажется, с не менее серьёзной проблемой.

Если по завершении истории *будет Бог всё во всё*, то есть все спасутся, то не всё ли равно, как верить и жить, и не обесценивается ли тогда христианская религия со всеми её истинами, заповедями и духовно-нравственными ценностями? Этот вопрос требует самого серьёзного рассмотрения, поскольку основным его моментом является утверждение о временности мучений, которые часто рассматриваются как ничего не значащие перед лицом вечной жизни.

Что же в посмертье встречает душу человека, жившего по страстям?

Первое. Церковь предупреждает, что когда душа входит в мир вечности, то там обнажаются не только все её мысли, намерения, чувства, желания, но и все *скрытые постыдные дела* (2 Кор. 4, 2). И это произойдёт не в каком-то тёмном уголке Вселенной, но при полном свете, перед своей совестью и Богом, перед лицом ангелов и святых, близких и родных людей. Понятно, какой стыд и позор придётся тогда перенести нашему «я»! И от этой пытки никто и никуда скрыться уже не сможет.

Игумен Никон (Воробьёв) однажды в своей проповеди привёл такой пример. Представьте себе площадь, наполненную вашими родными, членами вашей семьи, друзьями, знакомыми и коллегами, а вы стоите перед ними на высоком помосте, рядом с которым находится грязная, отвратительная яма. И вот вдруг с вашей души сдёргивается завеса непроницаемости и перед всеми открываются все её тайники: лицемерие, ложь, обман, зависть, похоть, неверность и прочее. Не броситесь ли вы тогда в эту зловонную яму, лишь бы скрыться от позора?..

Вот что станет действительно наказанием для тех «умных страусов», которые при жизни прятались от своей совести в песок самоуспокоения: «Муки же будут невечны...» Реальность такого наказания подтверждена опытом многих людей, переживших на себе подобную пытку.

Второе. Святитель Григорий Нисский писал: «Не тело причина страстей, но свободная воля, производящая страсти»^[160], то есть их источником является не тело, а душа. Даже самые грубые плотские страсти коренятся в душе, хотя бы их орудием и было тело. Поэтому

со смертью тела страсти, возвращённые в душе *свободной волей*, не исчезают. С ними входит человек в мир вечности. И что тогда ожидает его душу? Там, как пишет игумен Никон, «страсти в тысячу раз более сильные, чем на земле, будут как огнём палить без какой-либо возможности утолить их»^[161].

Почему *там* они несравнимо сильнее, чем здесь, нетрудно понять. Пока душа в теле, страсти большей частью не имеют полной свободы для своего проявления. Мешают люди, обстоятельства, состояние здоровья... Да просто заснул человек – и всё утихло. Прикрытые телесностью, они действуют не в полную силу. Но освободившись от тела, страсти обнаруживают всю жестокость своей природы. Их действию уже ничто не препятствует: *там* нет ни сна, ни развлечений. И, может быть, самое мучительное – нет никакой возможности удовлетворить их!

Третье, о чём заблаговременно предупреждает Церковь. Душа, порабощённая страстям, особенно доступна и уязвима для нападения злых духов, которые разжигают и усиливают их действие. И поскольку со смертью тела у души отнимается воля, то она, будучи рабыней страстей, не может противостоять бесам. И тогда невозможно даже представить себе, какие страдания наступают для бедной души! Опыт подвижников, соприкасавшихся с бесами, говорит о непередаваемом страхе души, который она испытывает при одном только их приближении – они гнусны, ужасны, тошнотворны. Игумен Никон писал, что «от одного взгляда на них можно сойти с ума»^[162].

Очень показателен в связи с этим факт, приводимый Морицом Роолингзом в его книге «За порогом смерти». Это известный врач-кардиолог, профессор университета в Теннесси (США), который много раз возвращал к жизни людей, находившихся в состоянии клинической смерти. Роолингз рассказывает, как однажды он начал реанимацию такого пациента, – с помощью обычного в подобных случаях массажа пытался заставить работать его сердце. Такое в его практике случалось постоянно. Массаж был жёстким, так что порой случалось ломать пациентам рёбра; в любом случае они испытывали боль и всегда просили врача остановиться. Но с чем столкнулся он на этот раз, причём столкнулся, как говорит, впервые? Его пациент, как только к нему на несколько мгновений возвращалось сознание,

пронзительно кричал: «Я в аду! Не переставайте!» Врач спросил, что его пугает. «Вы не понимаете? Я в аду! Когда Вы перестаёте делать массаж, я оказываюсь в аду! Не давайте мне туда возвращаться!»^[163] И так повторялось несколько раз.

И он описывает дальше: «Лишь в тот момент, когда я взглянул на его лицо, меня охватила настоящая тревога. Выражение его лица было гораздо хуже, чем в момент смерти. Лицо искажала жуткая гримаса, олицетворявшая ужас, зрачки были расширены, и сам он дрожал и обливался потом, – словом, всё это не поддавалось описанию»^[164].

Далее Роолингз сообщает, что когда этот человек наконец окончательно пришёл в себя, то рассказал ему, какие жуткие страдания испытал он во время смерти. Больной готов был перенести всё что угодно, только бы не вернуться туда. Там был ад! Потом уже, когда кардиолог занялся серьёзным исследованием подобных случаев и стал расспрашивать об этом своих коллег, то оказалось, что таких фактов и в их практике немало. С тех пор он стал вести записи рассказов реанимированных пациентов.

Особенно любопытны приводимые им факты, касающиеся спасённых самоубийц. Все они (исключений он не знает) переживали там тяжкие муки. Он описывает состояние таких пациентов. Перед несчастными предстали чудовища, от одного вида которых душа содрогалась, и некуда было спрятаться, нельзя было закрыть глаза и уши. Выхода из этого ужасного состояния там не было! Когда одну отравившуюся девушку привели в сознание, она умоляла лишь об одном: «Мама, помоги мне! Заставь их отойти от меня... их, тех демонов в аду... Это было так ужасно!»^[165]

Четвёртое. Православие указывает ещё на одну серьёзную причину, почему не «всё равно, как жить», если даже в конечном счёте человек и спасётся, поскольку само состояние спасения может быть очень разным. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин приводит слова аввы Херемона: «Большое различие между теми, которые получают помилование, и теми, которые удостоятся наслаждаться славным видением Бога»^[166]. Об этом писал апостол Павел: *Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело*

каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня (1 Кор. 3, 12-15).

Что значит спастись *как бы из огня*? Только тот, кто никогда не испытывал ожогов и не видел сильно обожжённых, может легкомысленно относиться к *временному* страданию. Тяжелейшие боли испытывают такие люди! И никто из них ни за какие блага не согласился бы вновь подвергнуться такой беде. Сожжение всегда было одной из самых страшных казней. Апостол и приводит этот образ, чтобы показать весь ужас страданий, которые придётся перенести человеку, построившему дом своей жизни из *дерева, сена, соломы* - страстей и пороков. Хотя сам он и спасётся, но страшно и мучительно - *как бы из огня!*

Если хотя бы одна эта мысль дошла до сознания человека, то, без сомнения, он стал бы совсем по-иному относиться к самообману: «Здесь пожить в своё удовольствие, а *там* ведь - невечные мучения!..»

Пятое. Как может чувствовать себя человек, оказавшийся перед лицом того, кто за него пошёл на пытки и казнь, а он в ответ предал его? Трудно даже представить себе его стыд и ужас. Но не то же ли самое испытает человек, когда *там* откроются ему те страдания, которые перенёс Христос, спасая его от вечных мучений, а он отверг Его своей жизнью?

Шестое. С душой нераскаянного человека в загробной жизни происходит то же, что с человеком, который отдал все свои средства на какое-то дело и в результате увидел, что допустил роковую ошибку - всё пропало. Какое беспросветное отчаяние охватывает его тогда! Многие кончают жизнь самоубийством. Подобное состояние переживёт и душа, когда ей откроется, что все её мечты и надежды, страсти и достижения - всё это ничего не стоящие пустышки, мишура, а часто и откровенная грязь, из-за которых она теряет радость вечной жизни. Возможно, что это позднее разочарование будет для неё самым тяжёлым страданием.

И только надежда на милость Спасителя останется для неё последним утешением.

Все эти предупреждения показывают, какую роковую ошибку совершает человек, легкомысленно надеющийся на невечные страдания. За какие блага согласился бы такой «смельчак» хотя бы временно оказаться в руках садистов или в полыхающем огне? Не отдаст ли он всё, что имеет, лишь бы избавиться от нестерпимых страданий?! Не всё равно, как верить и как жить, даже если и все спасутся.

Православие, будучи религией любви, напоминает человеку: «Внезапно Судья придёт, и коегóждо деяния обнажатся» (утренняя молитва, по-русски: «Внезапно Судья придёт, и дела каждого станут явны»). Поэтому, пока не поздно, пока есть время, призывает оно, приложи, человек, все силы к тому, чтобы *здесь* жить по совести, *здесь* омыться покаянием – и таким образом *там* избавиться от тяжёлых, хотя бы и невечных, страданий. Святой Исаак Сирий предупреждает: «Остережёмся в душах наших, возлюбленные, и поймём, что хотя геенна и подлежит ограничению, весьма страшен вкус пребывания в ней, и за пределами нашего познания – степень страдания в ней»^[167].

Заключение

Христианство открыло миру совершенно иное понимание Бога. Основные Его свойства оказались беспрецедентными в истории религий. Они принципиально меняют представление об отношении Бога к миру и, прежде всего, к человеку, о смысле его бытия, условиях спасения. Глубокое соответствие христианского учения природе человека, его исканиям истины, добра, нравственной красоты покорило огромное число выдающихся мыслителей, философов, учёных, психологов, педагогов, людей самых разнообразных видов деятельности всех времён и народов. Истинность этой необычной религии подтверждается целым рядом объективных аргументов, множеством сверхъестественных фактов, историческими событиями, личным опытом переживания Бога бесконечным числом искренно верующих людей, христианских мучеников, подвижников.

Если теперь попытаться кратко выразить особенности христианского учения о Боге в сравнении с предшествующими религиями, то можно

сказать, что Он:

1. не просто высший Разум, Творец мира, совершенная Справедливость, но и святая, неизменная Любовь, Отец всего живущего;
2. не царь, который властвует над миром, не считаюсь с человеческой свободой, но предельное Смирение, которое лишь стучится в сердце и разум человека голосом совести (см. Откр. 3, 20), чтобы он свободно избрал добро или зло;
3. не властью и силой спасает человека, но Крестом и Воскресением вочеловечившегося Сына Божия – Иисуса Христа;
4. не человекоподобное страстное существо, награждающее за добро и мстящее за грехи, но Врач, предупреждающий человека Своими заповедями о последствиях нарушения духовных законов жизни и исцеляющий его в покаянии;
5. не безличная оккультная сила, или дух, который осознаёт себя в человеке и в котором человеческая личность растворяется, как соляная кукла в океане, но единый в трёх лицах Бог: Отец, Сын (Слово-Логос) и Святой Дух, причастником Которого призван стать человек (см. 2 Пет. 1, 4);
6. не существо, живущее в тайных мирах, но Бог, Который *всё во всём*.

Примечания

^[1] Интересующиеся более детальным рассмотрением предлагаемых здесь вопросов могут обратиться к лекциям соответствующей тематики на личном сайте автора: alexey-osipov.ru.

^[2] *Антоний Великий, прп.* Наставления о доброй нравственности и святой жизни. §150 // Добротолюбие. Т. 1.

^[3] *Ломоносов М.* Стихотворения. Ленингр. отд.: Советский писатель, 1948. С. 7.

^[4] М.В. Ломоносов. Сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911. С.17.

^[5] Цит. по: *Васильев Л.* Внушение на расстоянии. М., 1962. С. 18.

^[6] В католическом средневековье боролись не религия с наукой, а старые научные представления и представители с новыми, используя псевдоцерковные теории.

^[7] Например, каноник Н. Коперник (†1543); св. митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) (†1879); августинский монах

Г. Мендель (†1884); священник, богослов, учёный-энциклопедист П. Флоренский (†1937); этнограф патер В. Шмидт (†1954); архиепископ Лука Войно-Ясенецкий (†1961); аббат Леметр (†1966), иеромонах Серафим (Роуз, †1982), Джон Полкинхорн (р. 1930).

^[8] Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. М.-Л., 1961. С. 185.

^[9] Здесь достаточно привести имена лишь некоторых всемирно известных верующих учёных: И. Кеплер, Б. Паскаль, И. Ньютон, М. Ломоносов, Л. Гальвани, А. Ампер, А. Вольт, Л. Пастер, А. Попов, С. Ковалевская, Д. Менделеев, И. Павлов, Э. Шрёдингер, Б. Филатов, Н. Бехтерева и многие другие.

^[10] Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Серг. Посад, 1917.

^[11] Беседа с академиком Г. Нааном. О диалектике познания. // Наука и религия. 1968. №12. С. 23.

^[12] Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. М., 1999. С. 33-46.

^[13] Телеологический (от греч. τελεῖόω – оканчивать, доводить до совершенства, до конца, до цели; λόγος – слово, суждение, доказательство, разум). В данном случае – аргумент, основанный на целесообразности, разумности, совершенстве наблюдаемого мира.

^[14] По-гречески космос (κόσμος) – красота.

^[15] Рьюз М. Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии. 1991. № 2, С. 39-40, 42.

^[16] Девис П. Суперсила. М., 1989. С. 265.

^[17] Девис П. Суперсила. М., 1989. С. 261.

^[18] Населённый космос / под ред. В.Д. Пенелиса. М., 1972. С. 77.

^[19] Бен Хобринк. Эволюция. Яйцо без курицы. М.: Мартис, 1993. С. 66.

^[20] Цицерон. О природе богов. Цит. по: Кудрявцев В. Начальные основания философии. Сергиев Посад, 1910. С. 176-177.

^[21] Цит. по: Рождественский Н.П. Христианская апологетика. СПб, 1893. С. 238.

^[22] Там же.

^[23] Горбовский А. Загадки древнейшей истории. М., 1971. С. 77-79.

- [24] *Клячко В.* Наука познаёт мир // Наука и религия. 1967. № 1. С. 72.
- [25] *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. Сергиев Посад, 1917. С. 6-7.
- [26] Там же. С. 12.
- [27] *Исаак Сурин, св.* Слова подвижнические. М., 1858. Слово 21. §120.
- [28] Крупный исследователь религии Тейлор (XIX в.) писал: «Верование в бытие вышечувственного мира составляет минимум религии, без которого немыслима никакая религия». Цит. по: *Рождественский Н.П.* Христианская апологетика. СПб., 1893. Т. 1. С. 141.
- [29] Часто упоминаемая в церковной литературе дата 5508(9) лет от сотворения мира (и человека) до Рождества Христова не имеет под собой никаких библейских оснований. Эта цифра носит чисто символический характер. См., напр., труд проф. Московской духовной академии С.С. Глаголева «Прошлое человека». Сергиев Посад, 1917.
- [30] *Дубинин Н.П.* Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. 1972. № 10. С. 53.
- [31] Курьер. 1972. № 819, С. 12. См. также: Человек // БСЭ. 3-е изд. М., 1978. Т. 29. С. 50-54.
- [32] Происхождение религии // Краткий научно-атеистический словарь. 2-е изд. М., 1969. С. 565.
- [33] *Титов В.Е.* Православие. М., 1967. С. 301.
- [34] *Зыбковец В. Ф.* Человек без религии. М., 1967. С. 161.
- [35] Там же. С. 78.
- [36] Там же. С. 110.
- [37] См., напр.: *Покровский А.И.* Библейское учение о первобытной религии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. *Хрисанф (Ретивцев), архим.* Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1873; 1875. Т. I -II; *Светлов Э.* Магизм и единобожие. Брюссель, 1971. (См.: Примечания и Краткая библиография). Наиболее основательное исследование у этнографа В. Шмидта в его 12-томном труде «Der Ursprung der Gottesidee (Происхождение идеи Бога)». Münster., 1912-1955.

[38] См.: *Зубов А.Б.* Победа над последним врагом // *Богословский вестник.* 1993. №1.

[39] См., напр., *Керам К.* Боги, гробницы, учёные. М., 1960; *Вулли Л.* Ур халдеев. – М., 1961; *Церен Э.* Библейские холмы. М., 1966.

[40] *Цицерон.* О природе богов. Цит. по: *Кудрявцев В.* Начальные основания философии. Серг. Посад, 1910. С. 176-177.

[41] Возникший на её почве иудаизм – новая религия, об образе Бога в которой говорить сложно из-за его принципиальной противоречивости в различных течениях иудаизма.

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* О религии. М., 1955. С. 160.

[43] *Барниколь Эрнст.* Жизнь Иисуса в плане истории нашего спасения. Галле, 1958. С. 72. См. также: *Аверинцев С.С.* Стоическая житейская мудрость глазами образованного сирийца предхристианской эпохи (увещательное послание Мары Бар-Серапиона к сыну) // Сб. *Античная культура и современная наука.* М.: Наука, 1985. С. 67-75.

[44] Письма Плиния Младшего. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1950. Кн. X. Письмо 96. С. 343-345.

[45] *Тацит П.* *Анналы.* Л., 1969. Кн. 15. С. 298.

[46] *Светоний Г.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. Кн. 5. С. 140.

[47] При Понтии Пилате.

[48] *Флавий И.* Иудейские древности. СПб., 1900. Кн. 18. С. 300.

[49] *В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме... Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу* (см. Деян., гл. 8-9). См. также: *Сергий Мансуров, свящ.* Очерки из истории Церкви // *Богословские труды.* М., 1971. № 6.

[50] *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. II.

[51] *Иустин Философ, св.* Разговор с Трифоном Иудеем. §96.

[52] *Тертуллиан.* Апология, XXIV.

[53] *Никон (Воробьёв), игум.* Письма о духовной жизни. М.: Благовест,

2013.

[54] Мысли Маркса и Энгельса о религии. М.: Атеист, 1955. С. 60.

[55] *Симеон Новый Богослов, прп.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 272.

[56] *Деизм* (от лат. Deus: Бог) – учение, говорящее о Боге как Творце Вселенной, но отрицающее Его Промысл о мире и человеке.

[57] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа на Пс. VI.2 // Творения. СПб., 1899. Т. V. Кн. 1. С. 49.

[58] *Григорий Нисский, свт.* Опровержение Евномия // Творения в 8-и частях. М., 1864. Ч. VI. С. 428–429.

[59] *Иоанн Кассиан, прп.* Обзорение духовной брани. §85 // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. Т. 2. С. 55.

[60] Исаак Сирин, св. Слова подвижнические. М. 1858. Сл. 89. С.599.

[61] Богословские Труды. №17. М.: Изд. Московской Патриархии, 1977. С. 193.

[62] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Об образе и подобии // Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. 128.

[63] Мысли Маркса и Энгельса о религии. М.: Атеист, 1955. С. 61.

[64] *Ранович А.* Источники по изучению социальных корней христианства. Воинствующий атеист. 1931. Декабрь. С. 178.

[65] *Максим Исповедник, прп.* Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия. Вторая сотница. §25 // Творения. М.: Мартис, 1993. Т. 1. С. 238.

[66] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Часть II // Творения. СПб., 1905. Т. 2. С. 369.

[67] *Consensus partum* (лат.) – согласие отцов.

[68] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Часть I // Творения. СПб., 1905. Т. 1. С. 113.

[69] Буквально – «с кафедры», то есть когда папа выступает как верховный пастырь и учитель церкви.

[70] ...показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, нав, поклонисься мне (Мф. 4, 8-9).

[71] Достоевский Ф.М. Бесы. Часть II. Гл. I. Ночь. VII.

[72] См. подробно, напр.: Епифанович Л. Записки по обличительному богословию. Новочеркасск, 1904. С. 6-98.

[73] Антонио Сикари. Портреты святых. Милан, 1991. С. 11.

[74] Огицкий Д.П., Максим Козлов, свящ. Православие и западное христианство. М., 1999. С. 69-70.

[75] Катехизис Католической церкви. М.: Рудомино, 1996. С.150.

[76] Слово «индульгенция» в католичестве означает «отпущение земных и загробных наказаний за грех» (См. «Индульгенция». Христианство. Т. 1. С. 606). Индульгенции продавались или выдавались за совершение добрых дел и подвигов.

[77] А.С. Хомяков по этому поводу писал: «Вооружась счётною книгою, составленною по правилам двойной бухгалтерии, с дебетом в виде греха и кредитом в виде добрых дел (подкреплённых, правда, жертвою Спасителя), человек вступает в тяжбу с Богом и в Римском казуисте находит себе благоприятного судью» (Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1886. С. 125).

[78] Откровения блаженной Анжелы. М., 1918. С. 95-117.

[79] Там же.

[80] Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 867-868.

[81] Подобная же сверхспособность проявилась у оккультистки Елены Рерих, которой диктовал некто сверху.

[82] Антонио Сикари. Портреты святых. Милан, 1991. Т. II. С. 11-14..

[83] Мережковский Д. С. Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 69-88, 95.

[84] Джеймс В. Многообразие религиозного опыта /пер. с англ. М., 1910. С. 337.

[85] Повесть об одной душе. // Символ. №36. Париж, 1996. С. 95.

- [86] Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Часть I // Творения. СПб., 1905. Т. 1. С. 131.
- [87] Амвросий (Погодин), архим. Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния. М., 1994.
- [88] Паусий Величковский, прп. Сочинение о знамени Честного и Животворящего Креста. Рк. БАМ. 13.1.24, гл. 11, л. 39.
- [89] Игнатий (Брянчанинов), свт. Собрание писем. Письмо №203. М-СПб. 1995. С. 396.
- [90] Феофан Затворник, свт. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М. 1892. С. 45.
- [91] Там же. С. 230-232.
- [92] Амвросий Оптинский, прп. Собрание писем к мирским особам. Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. С. 384.
- [93] Иоанн Кронштадтский, св. праведный. Собр. соч. в 6 томах. Т. 2. Мысли о Церкви и православном богослужении. Путь к Богу. Киев: "Оранта", 2006. С. 56-57.
- [94] Игнатий (Брянчанинов), свт. Лютеранизм // Полн. собр. творений. М.: Паломник, 2002. Т. IV. С. 445.
- [95] Я.П. Полонский. Из Бурдильёна («Ночь смотрит тысячами глаз...»).
- [96] Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. Слово 71. М., 1858. С. 519-520.
- [97] Исаак Сирин, прп. Слова Подвижнические. Слово 34. М., 1858. С. 217.
- [98] Марк Подвижник, прп. Нравственно-подвижнические слова. Слово 5. М., 1858. С. 190.
- [99] Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. Слово 55. М., 1858.
- [100] То есть животный и растительный мир.
- [101] Дамаскин Христенсен, иером. Не от мира сего. М., 1995. С. 867.
- [102] Юнг К. Психология бессознательного. М., 2003. С. 24-34.
- [103] Григорий Палама, свт. Триады в защиту священно-

безмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 8.

[104] Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна. Клин, 2004. С. 206.

[105] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты // Сочинения. 2-е изд. СПб., 1886. Т. 2. С. 334.

[106] Там же. Т. 3. С. 55.

[107] *Пётр Дамаскин, прп.* Творения. Кн. 1. Киев., 1902. С. 33.

[108] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово №61. М., 1858.

[109] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово №55. М., 1858.

[110] Там же.

[111] См., напр., *Игнатий (Брянчанинов), свт.* О прелести. Слово о страхе Божиим и о любви Божией. О любви к Богу. Творения. М., 2014. Т. 1.

[112] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. СПб., 1905. Т. 5. С. 351.

[113] Там же. Т. 1. С. 527.

[114] Там же. Т. 5. С. 258.

[115] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово 72. М., 1858.

[116] *Иоанн Лествичник, прп.* О любезном для всех и лукавом владыке чреве: Лествица. Слово 14.

[117] *Прпп. Варсануфий Великий и Иоанн Пророк.* Руководство к духовной жизни. Ответ №527.

[118] Эсхатология (от [др.-греч.](#) ἔσχατος – *конечный, последний* и λόγος – *слово, знание*) – учение о последних днях мира, завершении истории человечества и окончательной судьбе человека.

[119] *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. Гл. 21. Кн. 4.

[120] *Григорий Богослов, свт.* Творения. М., 1843. Т. 1. С. 33.

[121] *Макарий Египетский, прп.* Духовные слова и послания. Слово 18, 6 (1). М.: Индрик, 2002. С. 590.

^[122] *Максим Исповедник, прп.* О любви: Вторая сотница. §34 // Добротолюбие. М., 1888. Т. 3. С. 94.

^[123] *Максим Исповедник, прп.* Вопросыответы к Фалассию // Творения. М.: Мартис, 1994. Кн. II. Вопрос 7. С. 44.

^[124] *Феофилакт Болгарский блж.* Толкование на Послание к Римлянам: Толкование на Послания св. ап. Павла. М.: Сибирская благозвонница, 2009. Т. 2. Часть 1. Гл. 5

^[125] Там же. Гл. 11.

^[126] Там же. Толкование на Первое послание к Коринфянам. Гл. 15.

^[127] *Феофан Затворник, свт.* Толкование Первого послания апостола Павла к Коринфянам М.: Правило веры, 2006. 7-е отд. §3. С. 761.

^[128] *Феофан Затворник, свт.* Толкование Второго послания апостола Павла к Коринфянам М.: Правило веры, 2006. С. 260.

^[129] *Феофилакт Болгарский блж.* Толкование на Послание к Колоссянам: Толкование на Послания св. ап. Павла. М.: Сибирская благозвонница, 2010. Т. 3. Часть 2. Гл. 2.

^[130] Святитель Иннокентий (Борисов) так объясняет сошествие Христа в ад: «Что было предметом проповеди во аде? Апостол не говорит об этом прямо. Но что другое могло быть предметом проповеди Спасителя, кроме спасения? Конец дела показывает и существо его. А концом проповеди во аде для самых упорных душ, каковы современники Ноя, долженствовало быть, по ясному свидетельству апостола, то, чтобы они, „подвергшись суду – во время потопа – по человеку плотию, пожили теперь – после проповеди Христовой – духом“ (см. 1 Пет. 4, 6). Те, кои ожили духом, не могли уже быть оставленными среди жилища смерти, и Победитель смерти, сошедши во ад один, должен был извести с Собою многих. Если бы кто касательно сего усомнился дать полную веру аду, жалующемуся на то, что Он при сем случае „погубил мертвецы, имиже царствова от века“, не может усомниться в свидетельстве Церкви, которая несомненно воспеваает, что сошествием Божественного Жениха во ад „истощены вся адова царствия“» (См.: *Иннокентий Херсонский, свт.* Слово в Великую субботу // Сочинения. 2-е изд. СПб., Изд. Тузова, 1908. Т. IV. С. 480).

- [131] Цит. по: *Иларион (Алфеев), игум.* Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 2003. С. 135.
- [132] Цит. по: *Иларион (Алфеев), игум.* Христос – победитель ада. СПб., 2001. С. 84.
- [133] *Афанасий Великий, свт.* Творения. М., 1994. Т. 3. С. 464.
- [134] *Собрание писем свт. Афанасия (Сахарова).* М., 2001. С. 272.
- [135] *Василий Великий, свт.* К епископу Оптиму. Творения. СПб., Изд. Сойкина, 1911. Т. 3. С. 324.
- [136] *Григорий Богослов, свт.* Слово 30. О богословии четвёртое, о Боге Сыне второе. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 433.
- [137] *Григорий Богослов, свт.* Собр. творений в 2-х томах. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 543.
- [138] *Григорий Нисский, свт.* Творения в 8-и частях. М., 1865. Ч. VII. С. 530..
- [139] *Епифаний Кипрский, прп.* Творения. М., 1863. Ч. 1. С. 140.
- [140] *Феофан Затворник, свт.* Толкование Послания апостола Павла к Римлянам. М.: Правило веры, 2006. С. 205.
- [141] *Ефрем Сирин, прп.* Творения. Сергиев Посад, 1914. Ч. 8. С. 312.
- [142] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Слово 1. §3.
- [143] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово 90. М., 1858. С. 615.
- [144] *Исаак Сирин, прп.* О Божественных тайнах и о духовной жизни. Беседа 39. М., 1998. §2, 6.
- [145] Цит. по: Brian E. Daley sj. Апокатастасис и «благое молчание» в эсхатологии св. Максима Исповедника.
- [146] *Софроний (Сахаров), архим.* Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 110.
- [147] Там же. С. 23.
- [148] См. основательное исследование этого вопроса в работе игумена (ныне митрополита) Илариона (Алфеева) «Христос – победитель ада».

СПб., 2001.

^[149] *Григорий Нисский, свт.* Опровержение Евномия // Творения в 8-и частях. М., 1864. Ч. VI. С. 429.

^[150] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Отечник. Гл. 35. Слово 242.

^[151] *Симеон Новый Богослов, прп.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 272.

^[152] Понятие вечности не означает ни бесконечности во времени, ни тем более остановки жизни. Как отмечал Владимир Лосский, «если движение, перемена, переход от одного состояния в другое суть категории времени, то им нельзя противопоставлять одно за другим понятия: неподвижность, неизменность, непреходящесть некой статичной вечности; это была бы вечность умозрительного мира Платона, но не вечность Бога Живого. Если Бог живёт в вечности, эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» (*Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 233). См. также: *Павел Флоренский, свящ.* Столп и утверждение истины, письмо «Геенна»; митр. Макарий (Оксиюк). Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999.

Иногда встречается утверждение: поскольку вечно блаженство в раю, следовательно, вечны и муки ада. Но это умозаключение логически неверно. Оно равносильно утверждению: если вечен Бог, следовательно, вечен и сатана; или: если вечна любовь, то вечна и ненависть. Поэтому из вечности блаженства в Боге совсем не следует вечность мук в аду. Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999.

^[153] *Феофан Затворник, свт.* Письма к разным лицам. Киев, 2009. С. 20.

^[154] *Ефрем Сирин, прп.* Псалтирь. М., 1874. Пс. №134. С. 194.

^[155] *Иоанн Златоуст, свт.* Увещание к Феодору падшему // Творения. СПб., 1895. Т. 1. Кн. 1. С. 13.

^[156] *Феофан Затворник, свт.* Толкование Первого послания апостола Павла к Коринфянам М.: Правило веры, 2006. 7-е отд. С. 699.

^[157] Ориген учил, что человек был создан чистым бесплотным духом

(умом), который за согрешение был заключён в тело. Поэтому спасение Ориген понимал как *восстановление* (греч. ἀποκατάστασις), прежде всего, человека в первоначальном состоянии чистого ума, и *восстановление* всего творения, включая демонов. Блаж. Августин писал: «Ориген полагал, что даже сам дьявол и его ангелы после более продолжительных и тяжких наказаний сообразно заслуженному будут освобождены от этих мук и присоединены к святым ангелам. Частью за это, частью за что-то другое, в особенности за мнение о беспрестанно чередующихся блаженствах и злополучиях и бесконечно повторяющихся через определённые промежутки веков переходах и возвратах от блаженства к злополучиям и наоборот, Ориген был отвергнут Церковью не незаслуженно» (О граде Божиим. XXI, 17).

^[158] *Иларион (Алфеев), иером.* Мир Исаака Сирина. М. 1998. С. 308, прим. 72.

^[159] *Бердяев Н.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931. С. 241.

^[160] *Григорий Нисский, свт.* Творения в 8-и частях. М., 1865. Ч. VII. С. 521.

^[161] *Никон (Воробьёв), игум.* Письма духовным детям. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1998. С. 81.

^[162] Там же. С. 29.

^[163] *Мориц Роолингз.* В ад и обратно: За порогом смерти. СПб., 1994. Гл. 1. С.13.

^[164] Там же.

^[165] Там же. Самоубийство: Гл. 7. Нисхождение в ад. С. 92.

^[166] *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Собеседование 11-е - аввы Херемона // Писания. М., 1892. С. 378.

^[167] *Исаак Сирин, прп.* О Божественных тайнах и о духовной жизни. Беседа 41. М., 1998. С. 216.